РОССІЯ ВЪ 1699 ГОДУ.

(Дневникъ Іоанна Георга Корба.)

Г. Устряловъ въ первыхъ томахъ исторіи царствованія Петра Великаго предлагаетъ нѣкоторыя указанія на источники печатные, чрезвычайно важные для ознакомленія съ Петромъ и его эпохой, но не обратившіе на себя должнаго вниманія, не изслѣдованные позднѣйшими писателями.

На одинъ изъ подобныхъ источниковъ, вслѣдъ за г. Устряловымъ, обращаемъ вниманіе нашихъ читателей: дѣло идетъ о дневникѣ І. Г. Корба.

По совѣту Н. Г. Устрялова, представляемъ на этотъ разъ только послѣднія главы Корбова сочиненія. Въ нихъ излагаетъ онъ свой взглядъ на нравы, обычаи, суевѣрія, религію москвитянъ, на матеріальное и нравственное состояніе Россіи... Все это любопытные выводы изъ наблюденій почти двухъ-лѣтнихъ, наблюденій чужеземца правдиваго, ученаго и безпристрастнаго. Нечего и говорить, что эти главы лучше другихъ знакомятъ съ разсказомъ Корба.

Въ свое время мы постараемся представить его дневникъ въ полномъ переводѣ на русскій языкъ. — Скажемъ между тѣмъ нѣсколько словъ о жизни автора Дневника.

«Первое обстоятельное сочиненіе, пишетъ Устряловъ, сочиненіе, познакомившее Европу въ Петромъ, въ чертахъ рѣзкихъ и выразительныхъ, принадлежитъ секретарю австрійскаго посольства при дворѣ московскомъ, Іоанну Георгу Корбу. Онъ жилъ въ Москвѣ болѣе года (съ конца апрѣля 1698 года по 23 іюля 1699 [1] и наблюдалъ Петра въ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ эпохъ его жизни, по возвращеніи изъ перваго пу-

[1] Дневникъ веденъ Корбомъ до прiѣзда еще въ Московію и послѣ отъѣзда изъ нея: съ 11 января 1698 по 23 сентября 1699 года.

тешествіе по Европѣ. Не разъ пировалъ авторъ вмѣстѣ съ царемъ на веселыхъ обѣдахъ, зналъ лично всѣхъ его первыхъ сподвижниковъ, былъ свидѣтелемъ погребенія Лефорта, видѣлъ казни стрѣльцовъ, вникалъ въ устройство Россіи, въ нравы, обычаи, и всѣ свои наблюденія, все, что случилось замѣчательнаго во время путешествія, день за день записывалъ въ своемъ Дневникѣ, который, по возвращеніи въ Вѣну, издалъ съ дозволенія императора Леопольда I-го подъ такимъ заглавіемъ: «Diarium itineris in Moscoviam, per illustris ac magnifici Domini Ignatii Christophori nobilis domini De Guarient, et Rall... ab Imperatore Leopoldo I ad Tzarum et Magnum Ducem Petrum Alexiowicium anno 1698 ablegati extra ordinarii descriptum a Joanne Georgio Korb, secretario ablegationis Caesareae. Viennae. Austriae. In fol.» Годъ изданія не означенъ.

Въ то самое время прибылъ въ Вѣну съ особеннымъ царскимъ порученіемъ князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ. Оскорбленный невыгодными отзывами сочинителя о русскомъ народѣ, насмѣшками надъ дворомъ и невѣрными разсказами, онъ немедленно послалъ экземпляръ Корбова сочиненія въ Москву, приписывая его самому посланнику Игнатію Гваріенту и горько жалуясь на такой поступокъ человѣка, обласканнаго въ Россіи [2]. «Цесарь, писалъ Голицынъ къ Ѳ. А. Головину [3], хочетъ послать въ Москву посольство, чего добивается Гваріентъ, бывшій предъ тѣмъ посланникомъ на Москвѣ; онъ выдалъ книгу о состояніи и порядкахъ московскаго государства. Не изволишь ли, чтобъ его къ намъ не прислали: истинно, какъ я слышалъ, здѣсь такова поганца и ругателя на московское государство не бывало; съ пріѣзду его сюда, насъ учинили барбарами (считаютъ варварами) и не ставятъ ни во что. Если такой поганецъ будетъ впредь, и не такія пакости можетъ учинить».

Гваріентъ спѣшилъ оправдаться, честью увѣрялъ и Головина, и Шафирова, и самаго государя, что книга издана, безъ его вѣдома, секретаремъ Корбомъ, что въ ней нѣтъ ни одного слова его, что совсѣмъ не такъ относился онъ къ своему государю о дворѣ московскомъ [4] и что самъ цесарь засвидѣтель-

[2] Устр. I. стр. LXII—LXV.

[3] Изъ Вѣны отъ 8 авг. 1701 г. У. I. 328—329. Каб. дѣло Отд. II. кн. I.

[4] Подлинныя донесенія Гваріента, хранящіяся въ вѣнскомъ архивѣ и приведенныя Устр. въ III томѣ, свидѣтельствуютъ противное.

[5] Динксвейлеръ, переводчикъ при князѣ П. А. Голицынѣ.

ствуетъ его глубокое уваженіе къ царю россійскому. «Прелукавый шпынь [5] наговоромъ своимъ учинилъ, писалъ Гваріентъ къ Ѳ. А. Головину, что книга путешествія моего послана къ Москвѣ. Молю не винить меня въ чужомъ дѣлѣ. Я ни словомъ, ни дѣломъ въ томъ не участвовалъ. Это сочиненіе секретаря моего, которому нельзя было возбранить, безъ вѣдома моего, что либо напечатать, потому что онъ не здѣшней стороны, а изъ другой цесарской области. Никогда перомъ своимъ не захотѣлъ бы я вредить тѣмъ, которыхъ уста мои многими похвалами, за оказанное человѣколюбіе, предъ моимъ государемъ восхваляли» [6].

«По наущенію бездѣльнаго Петра (Линксвейлера), писалъ Гваріентъ въ тотъ же день вѣроятно къ Шафирову, князь Голицынъ недавно послалъ въ Москву книгу, которую секретарь мой Яганъ Георгъ Корбъ о моемъ посольствѣ въ Москву въ печать издалъ. Какъ въ ней ни единой буквы пера моего не положено, но наипаче весьма иное его цесарскому величеству о царской милости я доносилъ, то не токмо цесарскіе министры иначе о томъ извѣщены, но надѣюсь, что и въ Москвѣ такое доношеніе осмѣяно будетъ, и въ вину мнѣ того не поставятъ: ибо, какъ могу я отвѣчать за книгу, изданную не цесарскимъ подданнымъ, но подъ защищеніемъ другихъ князей живущимъ? Сверхъ того, по моему мнѣнію, въ ней болѣе похвальнаго, кромѣ нѣкоторыхъ смѣхотворныхъ и невѣрныхъ описаній. Надѣюсь, что вы оправдаете мою невинно-отягченную особу».

Изъ послѣднихъ строкъ видно, что цесарскій посолъ не находилъ въ книгѣ своего секретаря ничего особенно предосудительнаго. Но не такъ посмотрѣлъ на нее царь съ боярами. Дѣло приняло такой оборотъ, послѣ донесенія кн. Голицына, что Гавріентъ не рѣшился ѣхать снова посломъ. Вотъ что писалъ онъ между прочимъ къ Петру 8 апрѣля 1702 г. [7]: «узналъ я, что вашему величеству донесено, будто я авторъ изданнаго описанія посольства моего въ Москву. Свидѣтельствуюсь всѣмъ, что неправда: ссылаюсь на уши цесарскія, какъ я о вашемъ величествѣ говорилъ. Но это меня такъ встревожило, что я не рѣшился принять вновь предложенный мнѣ санъ посланника ко

[6] Изъ Вѣны. Отъ 24 декабря 1701 г.

[7] Изъ Вѣны. «Послѣ обычныхъ комплиментовъ».

двору вашего величества, чтобы не встрѣтить недовольныя ваши очи и не повредить дѣламъ.» [8].

Книга переведена была на русскій языкъ. Странно, замѣчаетъ Устряловъ, *что столь важное сочиненіе не переведено ни на одинъ языкъ*. Русскій переводъ начала XVIII вѣка въ рукописи хранится въ московскомъ главномъ архивѣ и также никому не извѣстенъ.

Прочтя дневникъ Корба по присланной рукописи, Головинъ потребовалъ отъ вѣнскаго двора воспретить продажу этой книги и не дозволять новаго изданія [9]. Съ тѣхъ поръ дневникъ Корба сдѣлался большою библіографическою рѣдкостью [10]. Историки Петра, знавшіе это сочиненіе, ссылаются на него, какъ на одинъ изъ самыхъ главныхъ и достовѣрныхъ матеріаловъ [11]. Только одинъ Голиковъ считалъ Корба клеветникомъ [12]. Вообще можно замѣтить, заключаетъ Устряловъ, что отзывъ Гваріента совершенно справедливъ. Корбъ писалъ съ глубокимъ уваженіемъ къ Петру, съ любовью къ истинѣ, и если ошибался, то потому только, что вѣрилъ иногда неосновательнымъ разсказамъ. Собственныя наблюденія его точны и правдивы.»

Не мудрено, что бояре московскіе близко приняли къ сердцу то обстоятельство, что ихъ «учинили въ нѣмецкой землѣ барбарами». Въ самомъ дѣлѣ смѣшная обидчивость невѣжественнаго, брадатаго воеводы была въ духѣ того времени.

Выходки оскорбленнаго самолюбія доходили у насъ до нелѣпыхъ крайностей. Укажемъ на одинъ изъ безчисленныхъ при-

[8] Письма Гваріента въ подлинникѣ на латинскомъ языкѣ хранятся въ московскомъ архивѣ, въ дѣлахъ цесарскихъ. Устр. дѣлаетъ извлеченіе изъ русскаго современнаго перевода.

[9] Смотр. любопытное письмо Отто Плейера изъ Москвы отъ 25 мая 1702. Секретное донесеніе это найдено г. Устр. въ тайн. госуд. вѣнскомъ арх. I, 328—330.

[10] Устряловъ пріобрѣлъ полный экземпляръ въ Берлинѣ за 50 руб. сер.

[11] Мовильонъ въ своемъ сочиненіи: «Histoire de Pierre I». Amsterdam. 1752. 3 тома сдѣлалъ большое извлеченіе изъ дневника Корба.

[12] Голиковъ упоминаетъ между прочимъ о Корбѣ въ XV т. «Дѣяній» стр. 35, изд. 1843 г. На русскомъ языкѣ намъ извѣстно въ печати только одно маленькое извлеченіе изъ дневника Корба: оно напечатано *А. Роcлавскимъ* въ «Очеркахъ Россіи» издававшихся подъ ред. *В. Пассека*. 1840 г. кн. IV стр. 67—96: «Москва въ 1698 году.»—Это извлеченіе сдѣлано изъ *всего* дневника, съ выпускомъ *всѣхъ* русскихъ, но вѣрныхъ описаній.

мѣровъ: при заключеніи договора съ поляками въ 1686 году вторымъ и важнѣйшимъ препятствіемъ къ совершенію мира были слѣдующія неудовольствія русскаго правительства. «Вы нестерпимо досаждаете намъ, говорили наши дьяки полякамъ, тѣмъ, что допустили издать въ Краковѣ книгу, гдѣ царь Алексѣй Михайловичъ названъ просто *москвитяниномъ*. Подобныя книги на безчестье предкамъ царевны Софьи Алексѣевны и на укоризну всему русскому народу печатаются. Въ грамотахъ вашихъ вы не разъ прикладывали печати не по достоинству вверхъ подножіемъ. Вмѣсто: «Государя и обладателя» зачастую писали: *обладателя*. Въ одной изъ грамотъ 1681 года написано: царю Ѳедору», вмѣсто «Ѳеодору». Въ другой грамотѣ 1683 г.: «царю Івану», вмѣсто «Іоанну».— Въ книгѣ, изданной Потоцкимъ, помѣщены такія рѣчи, что не только говорить, но и вспомянуть страшно, нап.: «*невѣрная Русь, дурная Москва, упрямый Москвитянинъ*». И послѣ этакихъ нестерпимыхъ, лютыхъ и явныхъ досадительствъ, заключилъ В. В. Голицынъ, можете ли вы, поляки, надѣяться когда нибудь получить Кіевъ? Возможенъ ли между нами вѣчный миръ?»

Приведеннаго примѣра достаточно, чтобъ понять гнѣвъ царя и его приближенныхъ, (въ дѣлѣ образованія недалеко ушедшихъ съ 1686 по 1699 г.) на книгу Корба. Рѣзкія, мѣткія, почти всегда справедливыя замѣчанія Корба должны были поднять бурю. Самъ Петръ крайне дорожилъ мнѣніемъ о немъ Европы. Впослѣдствіи, по его повелѣнію, наставникъ царевича Алексѣя, Гейсенъ, жилъ за границей, чтобы собственными сочиненіями, также щедрыми подарками литераторамъ германскимъ содѣйствовать и «радѣть о распространеніи доброй молвы о государѣ и его дѣйствахъ» (1705—1708).

Сказанія Корба особенно намъ дороги, какъ сказанія современника безпристрастнаго и пытливаго, имѣвшаго всѣ средства собрать въ Москвѣ свѣжія преданія о многомъ; сгруппировать въ своемъ дневникѣ массу самыхъ интересныхъ, подробныхъ свѣдѣній; современника далеко не щедраго на общія, избитыя похвалы Петру, но основательнаго критика его добрыхъ и худыхъ дѣлъ. Вѣрный сему взгляду, Устряловъ въ своемъ сочиненіи очень часто ссылается на «Diarium»[13].

[13] Такъ напр. во II т. см. стр. 22, 327, пр. 8, 268, 101, 176 и 132 и т. д., въ III т. см. стр. 106, 165, 173, 177, 192, 194, 200, 203, 204, 208, 214, 215, 216, 217, 218, 236, 237, 239, 248, 262, 265, 270, 274,

Дневникъ Корба изданъ въ четвертую долю листа, заключаетъ въ себѣ 260 страницъ и имѣетъ слѣдующее любопытное заглавіе: «Дневникъ секретаря императорскаго посольства Іоанна Георга Корба, веденный имъ во время поѣздки въ Московію славнаго, великаго господина Игнатія Христофора, знатнаго владѣтеля де-Гваріенти и Раля; свящ. римской имперіи и королевства венгерскаго кавалера, свящ. императорскаго величества совѣтника, ѣздившаго въ качествѣ чрезвычайнаго посланника въ 1698 году отъ августѣйшаго и непобѣдимѣйшаго римскаго императора Леопольда къ свѣтлѣйшему и самодержавнѣйшему царю и великому князю Московіи Петру Алексѣевичу».—«Къ дневнику прибавлено, продолжаетъ Корбъ, краткое, но правдивое описаніе пріѣзда изъ-за границы царя Петра; описаніе бѣдственнаго возстанія стрѣльцовъ, розыска надъ ними, кровавыхъ казней. Въ концѣ сочиненія читатель найдетъ взглядъ на внутренній бытъ жителей Московіи. Въ приложеніи копію съ грамоты свящ. имп. величества Леопольда. Издано въ Вѣнѣ, въ Австріи Леопольдомъ Войгтомъ. Печатано въ университетской типографіи.»

Книга посвящена: «знаменитѣйшему и славнѣйшему господину священ. римск. имперіи графу Андрею Кауницу. Великому господину и наслѣдственному владѣтелю Аустерлизіи, Мораво-Пруссіи и Пановіи. Кавалеру золотаго руна; свящ. импер. величества Камерарію, тайныхъ дѣлъ совѣтнику и свящ. римск. имперіи вице-канцлеру. Благосклоннѣйшему моему господину и покровителю» [17].

По одному перечню главъ, который мы здѣсь предлагаемъ, можно судить о богатствѣ содержанія и интересѣ Корбова сочиненія:

406, 407, 408, 412, 413 и мн. друг. Этотъ томъ особенно богатъ ссылками на Корба. Впрочемъ цитатъ большихъ и близкихъ къ подлиннику весьма немного.

[17] Государственнымъ канцеляромъ Австріи въ 1700 году былъ графъ Кинскій, а вице-канцлеромъ графъ Кауницъ.

Далѣе слѣдуютъ объясненія плановъ, чертежей и рисунковъ, помѣщенныхъ въ дневникѣ. Въ достовѣрности этихъ рисунковъ и плановъ не можетъ быть сомнѣнія. Добросовѣстный Корбъ самъ свидѣтельствуетъ, на 242-й стр. своего дневника, о вѣрности источниковъ, откуда онъ получалъ планы и чертежи. Такъ, напр., онъ говоритъ между прочимъ, что знаменитый Патрикъ Гордонъ сообщилъ ему нѣкоторые планы. Нѣкоторые изъ чертежей Корба почти цѣликомъ вошли въ альбомъ первыхъ трехъ томовъ исторіи царствованія Петра.

Объясненія чертежей и плановъ слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ:

Кромѣ чертежей и плановъ, указанныхъ нами, въ Diarium Корба помѣщены еще слѣдующіе, въ высшей степени любопытныя картины и рисунки:

10) Карта путешествія Гваріента изъ Вѣны въ Москву.
11) Въѣздъ австрійскаго посольства въ Москву.

12) Лагерь возмутившихся стрѣльцовъ близъ Воскресенскаго монастыря.
13) Казни всѣхъ родовъ, совершенныя надъ 2000 стрѣльцовъ.
14) Видъ Воронежа въ 1698 г.
15) Переходъ войскъ чрезъ Неглинную, близъ Епифани.
16) Картина боя Гордонова отряда съ стрѣльцами близъ Воскресенскаго монастыря.
17) Московскій большой колоколъ. На изображеніи его Корбъ помѣстилъ слѣдующую надпись: «Самый большой колоколъ, висящій въ Москвѣ на башнѣ придворной церкви. Въ діаметрѣ имѣетъ слишкомъ три оргіарія, въ окружности $10^1/_2$, толщиною $3^1/_2$ пядени. Вѣситъ 66,000 фунтовъ нашего вѣсу. Языкъ сего гиганта-колокола равенъ $1^1/_2$ оргіарія. Къ концу его привязываютъ нѣсколько веревокъ, посредствомъ которыхъ звонятъ 40 или 50 человѣкъ. Звонъ дребезжащій, потому именно, что по величинѣ и тяжести колокола, изъ опасенія, чтобъ онъ не сорвался, онъ подпертъ со всѣхъ сторонъ бревнами.»
18) Видъ царскаго флота на воронежской верфи.

Слогъ Корба витіеватый и напыщенный. Эта высокопарность изложенія мѣстами затемняетъ смыслъ.

Русскія собственныя имена вообще страшно искажаются иностранными писателями. За доказательствомъ далеко не приходится ходить. Невиль, бывшій въ Москвѣ тайнымъ агентомъ французскаго министерства въ 1689 году, въ своемъ сочиненіи: «Relation curieuse et nouvelle de Moscovie. A la Haye. 1699 г.» называетъ Андрея Артемоновича Матвѣева—*Harthemonerrich*. Легко ли отгадать это имя?

Тоже или почти тоже встрѣчаемъ мы и у Корба. Въ избѣжаніе ошибокъ мы почли нужнымъ, подлѣ каждаго русскаго имени, ставить его и въ томъ видѣ, въ какомъ оно записано Корбомъ.

Дневнику предшествуетъ императорская привиллегія слѣдующаго содержанія: «Мы Леопольдъ, Божіею милостью августѣйшій имп. римскій, король Германіи, Венгріи, Богеміи, Далмаціи, Кроаціи, Славоніи и друг. Великій герцогъ Австріи; герцогъ Бургундіи, Штиріи, Коринфіи, Карніоліи и Виртемберга. Графъ Тироля и проч.

Признаемъ и объявляемъ всенародно, что нашъ и священной римской имперіи, вѣрноподданный Іоаннъ Георгъ Корбъ,

покорнѣйше изложивъ намъ, что онъ намѣренъ отпечатать дневникъ свой, веденный имъ во время поѣздки въ Московію; но опасается, чтобы другіе книгопродавцы и издатели не поддѣлали, изъ видовъ корысти, такого же дневника и, напечатавъ, не распродали бы, просилъ насъ удостоить его нашею императорскою привиллегіею, противъ всѣхъ подобныхъ подлоговъ. Мы благоволили снизойти къ этой покорной и справедливой просьбѣ. Вслѣдствіе чего строго воспрещаемъ всѣмъ и каждому изъ содержателей типографій, книгопродавцевъ и другихъ лицъ, занимающихся книжнымъ дѣломъ, чтобы никто въ священной римской имперіи и въ предѣлахъ нашихъ наслѣдственныхъ королевствъ и областей не осмѣлился бы издавать означеннаго дневника на германскомъ или латинскомъ языкахъ въ продолженіи пяти лѣтъ отъ перваго дня изданія. Самый предлогъ прибавленія или исправленія сего сочиненія не можетъ быть принятъ въ отмѣну данной привиллегіи. Буде же кто нарушитъ ее, воспрещаемъ тому передавать, продавать, привозить и разсылать подобное изданіе безъ воли и особеннаго на то согласія сочинителя или его наслѣдниковъ. Въ противномъ случаѣ повелѣваемъ не только отнимать у изобличителя такого рода изданія, предоставляя ихъ въ полное распоряженіе г. Корба и его наслѣдниковъ, но взыскивать съ виновныхъ штрафъ пять марокъ (условл. вѣсъ) чистаго золота въ нашу казну и въ пользу доносителя.

Что же касается до сочиненія Корба, то оно не должно содержать въ себѣ ничего противнаго нравственности и свящ. постановленіямъ имперіи. Оно должно пройти чрезъ ценсуру какого нибудь университета или другихъ ученыхъ мѣстъ и имѣть нашу привиллегію для общаго удостовѣренія. Пять экземпляровъ должны быть представлены безвозмездно въ придворный совѣтъ.

На основаніи всего сказаннаго, повелѣваемъ всѣмъ и каждому изъ подданныхъ нашихъ, какого бы они ни были званія, состоянія, чина и достоинства: какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ, особенно же тѣмъ лицамъ, которыя, занимая какія нибудь должности, имѣютъ власть суда и расправы, ни въ какомъ случаѣ не допускать никого безнаказанно нарушать нашу привиллегію.—Неисполненіе сего повлечетъ за собой строгое взысканіе.

Въ подтвержденіе привиллегіи собственноручно ее подписываемъ, съ приложеніемъ нашей императ. печати. Дана въ городѣ

нашемъ Вѣнѣ. Въ 8-й день октября, 1700 года; царствованія же нашего въ Римской имперіи 43-го, въ Венгріи 46-го, въ Богеміи же сорокъ-пятаго. Леопольдъ. М. П. смотр. Д. А. С. Кауницъ. По собственному повелѣнію святейш. импер. величества Францискъ Вильдерикъ Меншенгенъ.»

Любопытно также напыщенное посвященіе Кауницу. Оно, какъ нельзя лучше, знакомитъ насъ съ изложеніемъ, съ слогомъ Корбова сочиненія. Пользуясь краткостью *посвященія*, передаемъ его вполнѣ:

«Знаменитѣйшій и славнѣйшій мужъ! Позволь сіятельнѣйшій графъ посвятить твоему имени этотъ незначительный трудъ. Ничтожный по своему достоинству, онъ получитъ и важность, и значеніе, когда украсится твоимъ славнымъ именемъ. Мой трудъ, по всей справедливости, принадлежитъ тебѣ, какъ главному его виновнику: тебѣ угодно было послать меня въ Россію, въ качествѣ секретаря, чрезвычайнаго посла Гваріента. Этимъ ты далъ мнѣ возможность описать Московію.

Достохвальныя дѣянія Гваріента, достойнаго представителя нашего государя и отечества, я описалъ въ настоящемъ сочиненіи. Онъ также считаетъ тебя главнымъ виновникомъ тѣхъ милостей, которыя удостоился получить отъ императора. Твоему же ходатайству онъ обязанъ въ настоящее время поѣздкой своей на Востокъ. Этимъ самымъ ты даешь ему возможность и отъ Отоманской Порты пріобрѣсть ту самую довѣренность, которою онъ пользовался въ Россіи. Достойно почтенный въ двухъ государствахъ онъ, безъ сомнѣнія, подъ твоимъ высокимъ и милостивымъ покровительствомъ стяжаетъ новыя награды.

Кому неизвѣстна та доброта, та любовь, съ которою ты, сіятельнѣйшій графъ, заботишься о всѣхъ прибѣгающихъ къ тебѣ, покровительствуешь имъ и навсегда привязываешь ихъ къ себѣ своими благодѣяніями. Я не беру смѣлость писать порознь о каждомъ, тобой облагодѣтельствованномъ человѣкѣ. Ихъ такъ много, что списокъ однихъ именъ — трудъ не по моимъ силамъ. Предъ этою громадою людей я въ удивленіи восклицаю: твои добродѣтельныя дѣянія, твои благодѣянія превознесли тебя выше галликанскаго геркулеса!

Краснорѣчивѣе на дѣлѣ, чѣмъ на словахъ, ты преклонялъ по произволу короны и скипетры. Послѣ этого, мудрено-ли, что ты пользуешься особеннымъ расположеніемъ величайшаго монарха Леопольда? Въ знакъ свой любви и уваженія къ твоимъ заслу-

гамъ, онъ пожаловалъ тебя почетнымъ орденомъ Золотаго Руна, возвелъ тебя въ достоинство тайныхъ дѣлъ совѣтника. Мудрость твою онъ видѣлъ сколько въ управленіи дѣлами имперіи, столько и въ совѣтахъ, гдѣ каждое слово твое было достопамятнымъ изрѣченіемъ! Еще свѣжи..... что я говорю: никогда не забудутся трактаты, которые ты, въ качествѣ перваго посла, заключилъ столь искусно, что свято сберегъ выгоды своей имперіи, повидимому соблюдая выгоды и другихъ державъ. Слава твоихъ дѣяній равняется славѣ великихъ дѣлъ всѣхъ твоихъ безсмертныхъ предковъ, вмѣстѣ взятыхъ! Въ тебѣ одномъ соединились доблесть, великодушіе, возвышенность ума и чувства, украшавшаго каждаго изъ нихъ! Но умолкаю. Боюсь, что повѣствуя о славныхъ твоихъ дѣяніяхъ, я заставляю тебя краснѣть. По свойственной тебѣ скромности, ты чуждаешься не только лести, но и справедливыхъ похвалъ. Боюсь и того, чтобы не быть несправедливымъ: мое краснорѣчіе ниже твоихъ славныхъ дѣлъ! Пройду молчаніемъ то, что не могу выразить ни перомъ, ни краснорѣчивымъ словомъ. Умоляя тебя быть благосклоннымъ какъ ко мнѣ, такъ и къ моему труду, пребываю вѣчно преданнымъ твоему сіятельству Іоаннъ Георгъ Корбъ, секретарь императорскаго посольства.»

Посвященіе это знакомитъ насъ съ духомъ того времени, когда и умный человѣкъ, подобный Корбу, не считалъ стыдомъ столь нещадно кадить ѳиміамъ лести предъ сильнымъ міра сего!

О московскихъ нравахъ.

(Стр. 203—208.)

Въ Россіи преобладаетъ состояніе рабства. Подъ его ужаснымъ ярмомъ находятся всѣ, безъ различія званій и состояній. Даже лица, посвященныя въ тайныя цѣли правительства, съ славными титлами боярскими, пользующіяся всѣми почестями, внѣшнимъ блескомъ, какъ нельзя лучше обнаруживаютъ ничтожность выпавшаго на ихъ долю жребія. Отъ этихъ сановниковъ требуется еще большая покорность и они носятъ цѣпи столь же тяжелыя, хотя и вызолоченныя. Чѣмъ выше и значительнѣе положеніе боярина, тѣмъ тяжелѣе, тѣмъ хуже оковы на него налагаемыя. Раболѣпство москвитянъ выказывается даже въ мелочахъ: въ просьбахъ, въ челобитныхъ къ царю, подъ страхомъ оскорбить его величество, должно подписывать имя не иначе, какъ въ уменьшенномъ видѣ. Напр. кого зовутъ Яковомъ, тотъ подпи-

сывается *Яшка*. Всѣ убѣждены, что величество много потеряетъ, если не унизятъ предъ нимъ не только самихъ себя, но и свои имена! Военный архитекторъ Лаваль, не считавшій нужнымъ снисходить до подобнаго прениженія своего человѣческаго достоинства, навлекъ на себя царскую ненависть. Государь, можетъ-быть, не обратилъ бы вниманія на поступокъ Лаваля, но бояре были оскорблены исключительнымъ положеніемъ, въ которое хотѣлъ себя поставить одинъ изъ ненавистныхъ имъ чужеземцевъ. Должно писать и говорить: *холопъ*, *смиреннѣйшій* или *нижайшій рабъ* великаго царя; все свое имущество какъ движимое, такъ и недвижимое признавать не своимъ, но собственностью владыки. Подобное убѣжденіе вкоренено здѣсь изстари, оно вполнѣ вытекаетъ изъ отношенія гражданъ къ царю, который, по своей безусловной и неограниченной власти такъ свободно распоряжается дѣлами частныхъ лицъ, какъ будто природа все произвела для него одного. Его власть тяготѣетъ надъ умами, какъ бы созданными для постояннаго рабства и, грустно сознаться, что москвитяне добровольно, по крайней мѣрѣ безъ ропота, несутъ жребій выпавшій на ихъ долю.

Имъ недостаетъ наукъ, которыя образуютъ умъ и вкусъ. Только у весьма немногихъ видно стремленіе къ образованію или благодѣтельному подражанію иностранцамъ. Вотъ какими словами Іоаннъ Барклай, извѣстный авторъ «исторіи развитія народовъ» характеризуетъ москвитянина: «рожденный для рабства, онъ чуждается всякой мысли къ своему освобожденію. Угнетаемый, придавленный, онъ молчаливо сгибаетъ шею подъ позорнымъ ярмомъ, свыкается съ мыслью, что само Провидѣніе назначило его и душой и тѣломъ принадлежать великому господину; что во власти земнаго Бога находится все его личное достояніе, его честь, жизнь и смерть.»—Даже у турокъ нѣтъ столь рабскаго прениженія предъ властью.

Мудрено ли послѣ этого, что и другихъ народовъ москвитяне судятъ по своимъ убѣжденіямъ, по своей мѣркѣ. Они осуждаютъ на позорное холопство своему вотчиннику иноземцевъ, по какому бы то ни было случаю прибывшихъ въ Москву.

Кто изъ русскихъ сдѣлаетъ попытку ѣхать за границу, того наказываютъ какъ бѣглеца. Бояре, ползая у ногъ господина, въ свою очередь высокомѣрно ведутъ себя съ подчиненными и народомъ. Послѣдній, въ смыслѣ унизительномъ, называютъ *чернымъ*, вообще *крестьянствомъ*. Каждый изъ несчастныхъ сего

чернаго, загнаннаго, забитаго люда, трепещетъ при одномъ взглядѣ на него кичливаго, дороднаго боярина.

Необразованные, полудикіе, грубые москвитяне верхомъ мудрости ставятъ лукавство, лицемѣріе и ложь. У нихъ нѣтъ ни умѣренности во лжи, ни стыдливости при открытіи отъявленнаго мошенничества. Растлѣніе нравовъ превышаетъ всякое вѣроятье: такой порокъ, какъ напр. пьянство, считается достоинствомъ, едвали не добродѣтелью. Впрочемъ, надобно замѣтить, что не всѣ русскіе, при общемъ невѣжествѣ, кичливой самонадѣянности имѣютъ такое понятіе о добродѣтели. Среди дурной травы нерѣдко подымаются цѣлебныя растенія, на одной грядѣ съ вонючимъ лукомъ зачастую цвѣтутъ и благоухаютъ розы. Такъ и между грубыми москвитянами встрѣчаются, хотя весьма немногіе, тѣмъ не менѣе достойные и благородные люди. Они рѣзко отличаются отъ толпы. Только невѣжда или порочный человѣкъ не обратитъ на нихъ вниманія, не изумится и не почтитъ ихъ доблестныхъ, благородныхъ поступковъ. Но подобные люди въ предѣлахъ необъятной Московіи, тоже что песчинка въ морѣ. Громадное большинство необразованы, нескоры въ сужденіяхъ, тупы умомъ. На всякаго чужеземца смотрятъ съ дикимъ любопытствомъ. Мы не ошибемся , если скажемъ, что выключая немногихъ русскихъ, занимающихся торговлею съ иноземцами, либо путешествовавшихъ за границей, очень и очень немногіе знаютъ о томъ, что вселенная не заключается въ границахъ московскихъ.

Въ школахъ на учителей возлагается единственная обязанность учить воспитанниковъ читать и писать. Верхъ ученія состоитъ въ ознакомленіи учащагося съ нѣкоторыми правилами своей вѣры. Свободныя науки въ презрѣніи. Какъ наука не только безполезная, по здѣшнимъ узкимъ понятіямъ даже и вредная, запрещена въ школахъ философія. За изученіе астрономіи, предаютъ лютымъ пыткамъ и позорной казни, какъ за занятіе чародѣйствомъ, колдовствомъ, какъ бы за сношенія съ самимъ дьяволомъ. [18] Запрещено употребленіе календаря астроно-

[18] См. Устр. II, прим. 23, стр. 350: описаніе свирѣпыхъ пытокъ, которымъ былъ подвергнутъ въ Москвѣ, съ своими людьми, престарѣлый воевода Безобразовъ въ 1690 году. Мнимые, несчатные вѣдуны и ворожеи подыманы при допросахъ по нѣскольку разъ «*на виску со встряскою*.» Ихъ пороли кнутами, жгли на медленномъ огнѣ, прижигали желѣзомъ.

ма Вохтія, который въ словахъ: «Москва не избѣжитъ опредѣленнаго ей несчастія,» предсказалъ русскимъ рядъ кровавыхъ возстаній. Всѣ убѣждены, что черезъ эту *нечестивую* науку астрономы входятъ въ сношенія съ нечистыми духами; что только съ помощью сатаны они предсказываютъ иногда въ будущемъ то, что выше ума простыхъ смертныхъ.

Царь, вводя разныя науки и искуства, старается во многомъ преобразовать свое царство. Если счастіе поможетъ мудрому началу, то скоро Европа изумится предъ колоссальнымъ трудомъ преобразователя Московіи. Но можетъ быть, по опредѣленію судьбы, по слабости или невѣжеству, суевѣрный, дикій народъ русскій не съумѣетъ воспользоваться благими дѣяніями царя мудраго, не поможетъ ему въ дѣлѣ пробужденія Россіи отъ вѣковаго сна во мракѣ невѣжества.

Недавно, стараніемъ одного поляка, заведена здѣсь типографія. Въ ней печатаютъ только на русскомъ языкѣ. Русское же нарѣчіе немногимъ разнится отъ греческаго языка (!) Греки, какъ повѣствуетъ исторія, выучили русскихъ читать и писать, а потому у нихъ въ употребленіи одна и таже грамматика и конструкція словъ. Въ одномъ зданіи съ типографіей, на царскомъ иждивеніи, живетъ нѣсколько греческихъ священниковъ, которые учатъ итальянскому языку.

Замѣчателенъ особенный способъ счисленія между здѣшними жителями. У нихъ есть доски, разграниченныя рядомъ проволокъ. На каждой изъ нихъ нанизанъ рядъ костяныхъ или деревянныхъ кружковъ. Расположеніемъ этихъ кружковъ они съ удивительнымъ умѣньемъ досчитываютъ до большихъ цифръ: такой способъ счисленія нисколько не отличается отъ счисленія монетъ, которое въ употребленіи у другихъ народовъ, по тому, что при различномъ ихъ размѣщеніи получаются различныя числа.

Въ музыкѣ москвитяне далеко не искусны. Впрочемъ нельзя сказать, чтобъ не любили ея гармоніи. Они понимаютъ только внѣшнюю сторону сего искуства и бываютъ благосклонны къ артистамъ только во время ихъ игры и пѣнья. Но наслушавшись, скупятся и не хотятъ платить за доставленное имъ удовольствіе. Разныя улучшенія и обыкновенія, давнымъ давно введенныя въ употребленіе при европейскихъ дворахъ, не привились еще къ русской жизни. Такъ напр. никто изъ бояръ не

ѣздитъ на взнузданныхъ лошадяхъ, никто не присутствуетъ на турнирахъ, танцы въ пренебреженiи.

Некрещенныхъ евреевъ ненавидятъ, болѣе того ихъ гонятъ изъ предѣловъ Московiи. [20] Каждый русскiй считаетъ дѣломъ неприличнымъ, нечистымъ входить въ сношенiя съ людьми *поганой* вѣры. Однако это не мѣшаетъ имъ усвоивать отъ жидовъ коварство и искуство ловко обманывать.

Москвитяне весьма часто ходятъ въ бани и ванны.

Они имѣютъ обыкновенiе омываться послѣ каждаго сношенiя съ иновѣрцами. Въ бани ходятъ зимою, а въ лѣтнiе мѣсяцы мужчины вмѣстѣ съ женщинами, совершенно нагiе, купаются въ рѣкахъ безъ различiя пола, возраста, безъ всякаго уваженiя къ цѣломудрiю. Съ тѣмъ же безстыдствомъ, безъ всякаго покрывала, выходятъ они изъ воды на траву, не боясь посторонняго взгляда. Даже дѣвушки безъ всякой стыдливости выставляютъ на видъ нагое тѣло, что не мало волнуетъ страсти.

Прелюбодѣянiе, любострастiе и другiе подобные пороки московскихъ мужчинъ и женщинъ превышаютъ всякую мѣру. Не напрасно спорятъ послѣ этого о русскихъ нравахъ: больше ли въ нихъ невѣжества или невоздержанiя, непотребности?

Сомнѣваюсь, существуютъ ли даже въ законахъ наказанiя за подобныя преступленiя. По крайней мѣрѣ мнѣ извѣстно, что когда одного капитана осудили на отсѣченiе головы, за преступную связь съ 8-ми лѣтнею своею дочерью, начальникъ укорялъ его такими словами: «развѣ ты не могъ удовлетворить своей страсти сношенiемъ съ иною женщиною, когда можешь имѣть столько распутныхъ женщинъ, сколько у тебя копѣекъ.» [21].

[20] Спустя полвѣка, это позорное предубѣжденiе къ евреямъ было еще во всей силѣ. Въ 1742 году, вскорѣ по восшествiи своемъ на престолъ, Елисавета издала строгое повелѣнье о изгнанiи евреевъ изъ предѣловъ Россiи П. С. З., т. XI.

[21] Въ П. С. З. императора Петра II 1729 года, находится указъ, состоявшiйся въ верховномъ тайномъ совѣтѣ о отсѣченiи головы Арзамасскому посадскому человѣку, за изнасилованiе 11-ти лѣтней своей дочери. Послѣднюю, принимавшую участiе въ преступленiи противъ своей воли, сослать въ монастырь. И впредь, сказано было въ указѣ, за таковыя прелюбодѣйныя дѣла наказывать такимъ же маномъ съ строгимъ обличенiемъ. Буде же съ обѣихъ сторонъ преступленiе совершено будетъ добровольно, то обоимъ отсѣкать, опосля розыску, головы.

Права рабства у москвитянъ различны. Однихъ дѣлаетъ рабами плѣнъ, другихъ рожденіе, третьихъ воля родителей, другихъ продажа самихъ себя въ кабалу. Отпущенные на волю господами, предъ ихъ смертью, по привычкѣ къ рабству, поступаютъ въ кабалу къ другимъ душевладѣльцамъ или продаютъ себя за деньги. Даже люди вольные, которые служатъ господамъ за извѣстную плату, не могутъ отказаться отъ нихъ, когда вздумается, потому что если кто уйдетъ безъ воли хозяина, того не приметъ въ услуженіе никто безъ рекомендаціи отъ прежняго господина или его друзей.

Отцовская власть надъ сыномъ — власть деспота. Отецъ можетъ продавать сына до четырехъ разъ. Проданный однажды и вновь получившій свободу, несчастный сынъ можетъ быть продаваемъ по волѣ своего отца до четырехъ разъ. Только четвертая продажа спасаетъ его отъ деспотизма отцовской власти.

При современномъ положеніи дѣлъ въ Россіи, при царѣ, надѣленномъ высокимъ умомъ и любовью къ благимъ преобразованіямъ, какъ родительская власть надъ сыномъ, такъ вообще кабалы всякаго рода болѣе или менѣе смягчены рядомъ кроткихъ постановленій. [22].

Къ сожалѣнію, нельзя не замѣтить, что чуждый всякаго желанія выйти изъ подъ оковъ, свыкнувшійся, сроднившійся съ ними, русскій народъ не только не поможетъ, но едва-ли и допуститъ, чтобы

[22] Впрочемъ право пользованія своими холопями *безотчетно*, право распоряжаться своими крѣпостными душами, какъ бездушными вещами, вопреки кроткимъ законамъ, долго и долго имѣло чудовищные размѣры между нашими предками. Любопытно въ этомъ родѣ свидѣтельство Данилова: Зять мой, пишетъ онъ, служилъ въ 1744-мъ году въ л.-г. Семеновскомъ полку. Имѣя большое имѣніе, онъ неохотно служилъ рядовымъ гвардейцомъ. А какъ отставокъ отъ службы, въ то время, не было, то онъ нашелъ милостивца въ полковомъ секретарѣ, который отпускалъ его въ годовой отпускъ за ничтожный, деревенскій гостинецъ, состоявшій въ 12-ти душахъ мужескаго пола съ женами и дѣтьми. Условіе было такое, что если зять не вывезетъ къ сроку этихъ душъ на отведенную землю, то неустойка вознаграждается прибавкою къ душамъ. Этотъ договоръ столь казался выгоднымъ моему зятю, что тотъ пользовался отпусками ежегодно и честно расплачивался крестьянскими душами. Полковой писарь былъ гораздо совѣстнѣе секретаря своего: онъ бралъ только по одному человѣку за отпускной билетъ. Крестьянскія души играли роль мелкой монеты. (Записки Данилова. Москва. 1842 г., стр. 35).

благоразумная заботливость государя о царствѣ и своихъ подданныхъ увѣнчалась счастливымъ успѣхомъ.

Любовь москвитянъ къ застарѣлымъ предразсудкамъ, порокамъ, упорство ихъ во лжи и всякаго рода неправдѣ, превышаетъ всякое вѣроятіе.

Жесточайшія, безчеловѣчныя истязанія не всегда могутъ преодолѣть упрямство москвитянина[23]. Приведу примѣры. Въ 1696-мъ году, еще до путешествія царя за границу, одинъ соучастникъ въ заговорѣ на жизнь государя[24] выдержалъ всѣ адскія истязанія четырехъ самыхъ ужасныхъ пытокъ, послѣ чего все-таки не сознался въ преступленіи. Царь, видя безполезность мученій, прибѣгнулъ къ ласкамъ и, поцѣловавъ его, сказалъ: «Нѣтъ сомнѣнія, ты знаешь о вѣроломномъ покушеніи противъ меня. Ты довольно наказанъ. Признайся чистосердечно во всемъ, добровольно, изъ любви, которую *долженъ же* имѣть къ своему государю. Богомъ тебѣ клянусь, по единственной милости котораго я царь и государь твой, что я не только прощаю тебѣ твою вину, но въ признательность за откровенное показаніе пожалую тебя полковникомъ.»

Этотъ быстрый переходъ отъ гнѣва къ милости быстро поколебало ожесточенное упорство стрѣльца. Немедленно освобожденный отъ оковъ, онъ поцѣловалъ государя и отвѣчалъ откровенно: «твоя ласка тяжелѣй для меня твоей пытки. Ничѣмъ другимъ не преодолѣлъ бы ты моей твердости.» Затѣмъ чистосердечно сознался въ своемъ замыслѣ. Царь былъ внѣ себя отъ удивленія. Его поразила твердость безстрашнаго стрѣльца, равнодушно вытерпѣвшаго несчетное число ударовъ кнутомъ, жженіе огнемъ, на которомъ *подогрѣвали* его избитую, окровавленную спину и въ тоже время смягчившагося отъ перваго ласковаго слова.—Царь спросилъ его, какими средствами закалилъ онъ свое тѣло противъ этихъ адскихъ истязаній?»

Въ отвѣтъ на это преступникъ простодушно передалъ еще болѣе изумительный разсказъ:

«Я, и многіе изъ моихъ собратьевъ-товарищей составляли нѣкогда общество, въ которое никто не былъ принятъ, не перенеся прежде пытки. Кто могъ вынести больше мученій, тотъ

[23] Невольно приходитъ на умъ наша старинная, столь знаменательная пословица: «ласковое слово, пуще дубины!»

[24] Вѣроятно, одинъ изъ товарищей Циклера и Соковнина?

вызывалъ къ себѣ большее къ нему уваженіе и любовь, тому воздавались почести.

Подверженный пыткѣ только одинъ разъ, былъ простымъ сообщникомъ и участникомъ въ общемъ имуществѣ. Кто же желалъ высшей степени почестей, которыя были различны, тотъ подвергался новымъ, сильнѣйшимъ мукамъ.

Вынесшій ихъ получалъ желаемое. Я былъ мучимъ своими товарищами шесть разъ, за что и былъ выбранъ ихъ начальникомъ.

Наказанье кнутомъ для меня ничто. Я не чувствую послѣ его ударовъ *почти* никакой боли, и мнѣ бы пришлось перенести болѣе жестокія пытки отъ товарищей, если бы я ихъ выдалъ.

Такъ, напримѣръ, продолжалъ стрѣлецъ, невыносима боль, когда прикладываютъ къ ушамъ раскаленный уголь или когда медленно капаютъ самую холодную воду на выбритую голову.

Но я выше всѣхъ этихъ мученій и этимъ превышаю своихъ товарищей.

Тѣхъ же, которые, желая вступить въ наше общество, не могли вынести первыхъ пытокъ, мы, изъ опасенія измѣны, отравляли ядомъ или убивали какимъ нибудь другимъ образомъ. Неспособныхъ вступить въ наше товарищество, сколько мнѣ помнится, было не менѣе 400 человѣкъ и всѣ они отправлены на тотъ свѣтъ моими собратьями.

Такимъ образомъ этотъ представитель столь диковиннаго общества претерпѣлъ 10-ть пытокъ: шесть отъ своихъ товарищей и четыре отъ палачей его величества. Но остался живъ и, какъ я сказалъ, по милости царя произведенный въ полковники живетъ въ Сибири.

Подобный же примѣръ твердости москвитянъ былъ на обратномъ путешествіи царя изъ Вѣны въ Москву. Проѣхавъ городъ Смоленскъ, онъ приближался къ своей столицѣ, какъ вдругъ одинъ изъ его свиты, боясь наказанія, не знаю за какое-то преступленіе, бѣжалъ. Посланные въ погоню за бѣглецомъ не могли его достигнуть. Наконецъ одинъ крестьянинъ показалъ, что хотя ничего вѣрнаго о бѣгломъ не знаетъ, но видѣлъ коня въ сосѣднемъ домѣ. Царь удержалъ доносчика и послалъ къ означенному дому Адама Вейде, собрать вѣрныя объ этомъ свѣдѣнія. Тотъ подтвердилъ вѣрность доноса. Тогда потребовали хозяина того дома и царь ласково спросилъ о бѣглецѣ и конѣ. Но крестьянинъ утверждалъ, что коня у него нѣтъ въ домѣ,

что о бѣглецѣ онъ знать ничего не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ. Царь продолжалъ спрашивать настойчивѣе; напомнилъ что онъ государь, господинъ своихъ подданныхъ, жизнь и смерть которыхъ въ его власти. Мужичокъ нисколько не смутился отъ угрозы. Петръ приказалъ бить его палкою. Когда же тотъ продолжалъ отвѣчать: знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю, царь продолжалъ участить удары. Крестьянинъ и тутъ не поколебался. Его начали стегать бичами. Обезображенный крестьянинъ мужественно выносилъ истязанія.

Всѣ эти муки до того ожесточаютъ умы русскихъ, что никакія пытки въ присутствіи самого государя не могутъ вынудить отъ нихъ признанія въ самой очевидной лжи. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, въ скоромъ времени узнали, что этотъ крестьянинъ-стоикъ, утомившій своихъ свирѣпыхъ палачей, оставивъ у себя коня, отправилъ бѣглаго за литовскую границу; что съ бѣглецомъ, въ качествѣ проводника, пошелъ братъ мужика, чтобы провести его по тайнымъ тропинкамъ [25].

О женщинахъ.

(Стр. 208—210.)

Русскія женщины очень красивы. Лица ихъ пріятны, но природную красоту они портятъ румянами. Просторное, широкое платье русской женщины даетъ ей полную свободу раздаваться въ толщину. Въ слѣдствіе этого, здѣшнія красавицы не такъ стройны и статны, какъ европейскія. Москвитянки носятъ вышитыя золотомъ рубашки; широкіе рукава ихъ, состоящіе изъ множества складокъ, бываютъ длиною восемь, даже десять локтей. Доходя до ручной кисти, рукавъ стягивается запястьемъ, которое по красотѣ и цѣнности служитъ большимъ украшеніемъ. Верхняя

[25] Разсказу правдиваго и безпристрастнаго Корба нельзя не повѣрить. Всякое сомнѣніе невольно разсѣевается при внимательномъ чтеніи VIII главы III-го тома ист. царствованія Петра. Читая стрѣлецкій розыскъ, эту хронику всевозможныхъ мукъ истязаній, пытокъ желѣзомъ, огнемъ, бичами, кнутами, колесами, всѣми орудіями безчеловѣчной тираніи; мученій, вынесенныхъ стрѣльцами, злополучными защитниками стараго порядка вещей, невольно повѣришь извѣстіямъ Корба. Любопытное описаніе первой степени пытки, называвшейся: «*подъемомъ на виску*», можно найти въ сочиненіи Котошихина, стр. 91. Вѣроятно, подобнымъ же образомъ пытали и 30-ть лѣтъ спустя, т. е. въ царствованіе Великаго Петра.

одежда сходна съ одеждою восточныхъ женщинъ; сверхъ исподняго платья онѣ носятъ душегрѣйки, опушенныя мѣхомъ. Какъ серьги, такъ и кольца, нерѣдко довольно цѣнныя, служатъ неотъемлемою принадлежностью дамскаго туалета. Замужнія или вдовы носятъ на головѣ дорогія мѣховыя покрывала; на лбу дѣвушки навязывается повязка, изъ-подъ нея выбиваются на плечи волосы, искусно заплетенные въ косы. Женщины высшаго сословія никогда не присутствуютъ на пирахъ; даже за обыкновеннымъ столомъ не сидятъ съ своими мужьями. Ихъ можно тогда только видѣть, когда онѣ отправляются въ колымагахъ въ церковь или къ подругамъ. Замѣчательно, что встарь повозки эти устраивались такъ, что даже прислуга, окружавшая ихъ, не могла видѣть своей боярыни. Считается большою честью, если мужъ выводитъ къ гостямъ жену или дочерей. Поднося гостю кубокъ пѣнящагося вина или меда, боярыня ожидаетъ отъ него поцѣлуя. За тѣмъ, по обычаю, молчаливо уходитъ въ свою свѣтлицу [26].

Въ семейномъ быту женщины также не имѣютъ никакого значенія. За отсутствіемъ хозяина, домомъ распоряжаются, по довѣренности или по произволу, слуги, безъ вѣдома и согласія хозяйки. Богатыя женщины, для развлеченія, берутъ къ себѣ обучать дѣвушекъ; но большая часть москвитянокъ почти ничего не дѣлаютъ; если не называть дѣломъ пустыя, мелочныя, легкія работы. Впрочемъ, иногда онѣ прядутъ и ткутъ.

Всѣ проводятъ жизнь въ праздности, тѣмъ и объясняется любовь прекраснаго пола къ банямъ. Москвитянки часто ходятъ въ бани, съ исключительною цѣлью, какъ нибудь и чѣмъ нибудь убить время. Если у какого нибудь вельможи родитъ жена, то объ этомъ, изъ видовъ корысти, тотчасъ же даютъ знать должностнымъ лицамъ и купцамъ. Тѣ же, боясь могущества вельможи или домогаясь его покровительства, спѣшатъ съ поздравленіемъ. Подъ видомъ учтивости, приносятъ что нибудь на *зубокъ* новорожденному. Считается неприличнымъ дарить менѣе червонца [27]; на большіе же подарки предоставляется свобода

[26] Подробности обо всемъ этомъ можно найти въ извѣстномъ сочиненіи Котошихина.

[27] До какой степени силенъ былъ этотъ обычай и какъ долго онъ существовалъ, даже въ высшемъ сословіи, можно видѣть изъ писемъ леди Рондо: «Спустя день послѣ разрѣшенія моего отъ бремени, пишетъ жена англійскаго посла въ 1733-мъ году, одинъ

каждому, смотря по его щедрости. Тотъ считается лучшимъ другомъ и доброжелателемъ хозяевъ, кто всѣхъ щедрѣе. Слова поэта нельзя не примѣнить къ москвитянамъ: «Русскій человѣкъ основываетъ дружбу на расчетѣ.»

Ошибаются, думая, что здѣшнія жены судятъ о любви къ нимъ мужей по числу побоевъ. Нѣтъ, онѣ умѣютъ отличать характеръ строгій отъ кроткаго и навѣрное съ удовольствіемъ свергнули-бы съ себя иго супружеской власти, если-бы кто нибудь указалъ имъ возможность уничтожить вѣковой, позорный обычай, дающій право мужу подымать руку на подругу своей жизни.

Четвертое супружество считается здѣсь грѣхомъ. Вотъ почему москвитяне особенно ухаживаютъ за третьими женами, обращаясь съ первыми двумя, какъ съ невольницами. Вдова, вытря слезы по покойникѣ мужѣ и постепенно успокоившись, свыкшись съ мыслью о безцѣнной потерѣ, прибѣгаетъ ко всѣмъ, не рѣдко отвратительнымъ уловкамъ, чтобъ только привлечь въ свои объятія какого нибудь вдовца. Здѣсь вошло въ пословицу, что у попа настоящая жена первая, у мірянина-же третья. Жениться въ четвертый разъ, хотя и считается грѣхомъ, но нѣкоторые, болѣе знатные, бояре вымаливаютъ у патріарха разрѣшеніе и на четвертое супружество. Патріархъ иногда удовлетворяетъ просьбамъ, но отнюдь не одобряетъ этихъ *нечестивыхъ* браковъ.

У Донскихъ казаковъ въ обыкновеніи разводиться съ женами по собственному произволу, но въ собраніи цѣлаго общества, *круга* [28] въ присутствіи атамана. Желающій развестись

знатный русскій вельможа, поздравивъ меня, подалъ червонецъ, настоятельно убѣждая принять за тѣмъ, что, по общему вѣрованію, умретъ или мать или дитя, если монета не будетъ принята.» Lettres d'une dame anglaise, résidante en Russie, à son amie en Angletterre. Письмо XV, изъ Спб. изд. 1788 г. Paris.

[28] *Кругъ* игралъ важную роль въ управленіи казаковъ. На *Войсковомъ кругу* большинствомъ голосовъ рѣшалось всякое предложеніе атамана. — Предметы расужденій на *кругу* были различны. Здѣсь рѣшались и политическіе вопросы: идти на войну, на поискъ. Здѣсь же раздѣлялась добыча, составлялся приговоръ надъ измѣнникомъ или трусомъ.

Каждый казакъ считалъ себя участникомъ дѣла общаго, имѣлъ полный голосъ и потому *войсковые круги* были очень шумны, а не

съ женою, ставитъ ее въ средину круга, за тѣмъ, объявивъ, что она ему болѣе ненравится, поворачиваетъ кругомъ, выпускаетъ ея руку и объявляетъ свободною отъ супружескихъ обязанностей. За тѣмъ выбираетъ какую нибудь изъ предстоящихъ, такимъ же образомъ оставленную женщину, обѣщаетъ имѣть ее *женою*, защищать и беречь до подобнаго же случая. Разводъ казака съ женою считается законнымъ только въ томъ случаѣ, когда онъ совершается *на кругу*.—Подобный обычай существуетъ въ Турціи, гдѣ свободные люди берутъ въ супружество своихъ невольницъ, служанокъ въ присутствіи воеводы (Weywoda). Нечего и говорить, что такая связь мужчины съ женщиною весьма близка къ наложничеству. Совершенно отъ произвола мужа зависитъ разорвать связь съ женою; намѣреваясь же взять въ жены невольницу, онъ приходитъ къ воеводѣ и объявляетъ ему объ этомъ. Воевода, изъявляя согласіе, требуетъ у мужчины поясъ, а у женщины вѣнокъ и объявляетъ ей о его намѣреніи. Послѣ того, получивъ какой нибудь подарокъ, напр. 50 имперіаловъ, отдаетъ поясъ женщинѣ, а вѣнокъ мужчинѣ и записываетъ день, самый актъ и имена ихъ при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ съ той и другой стороны. Если потомъ жена не понравится мужу, то онъ долженъ опять придти къ воеводѣ. Воевода, за два или за три имперіала (если преждеобѣщанный подарокъ за жену уже сдѣланъ), беретъ у мужа полученный имъ нѣкогда вѣнокъ, а у жены поясъ и, возвративъ мужу поясъ, а женѣ вѣнокъ, разрываетъ брачныя узы.

О СВАДЬБАХЪ.

(210—212 стр.).

Свадебные обряды москвичей, освященные вѣковымъ употребленіемъ, во многомъ отличаются отъ обрядовъ чужеземныхъ. Такъ, напримѣръ, обычай запрещаетъ мужчинѣ не только говорить, но и видѣться съ той дѣвушкой, на которой онъ намѣренъ жениться, за этимъ строго слѣдятъ родители, вообще ста-

рѣдко происходили въ нихъ и ссоры, въ особенности же при избираніи атамановъ. Разсказъ Корба о донскихъ бракахъ совершенно согласенъ съ описаніемъ *Сухорукова*. Смотр. любопытную и подробную статью его о обычаяхъ донскихъ казаковъ, въ *Русской Старинѣ*. 1825 г.

рики и старухи. Когда женихъ получитъ благословеніе родительское, безъ котораго супружество считается незаконнымъ, тогда условливаются о приданомъ. Приданое тѣмъ бываетъ значительнѣе, чѣмъ богаче невѣстины родители; со стороны же жениха нѣтъ обыкновенія давать обезпеченья. Приданому дѣлается роспись; въ случаѣ же смерти мужа, если не осталось отъ него дѣтей, но осталось достаточно имущества, вдова беретъ изъ него все , что составляло ея приданое. Буде-же останутся дѣти , то вдова беретъ третью, иногда и большую часть имѣнія, смотря по завѣщанію умершаго.

Послѣ переговоровъ о приданомъ составляютъ, такъ называемыя: брачныя свидѣтельства. Въ нихъ родители или родственники дѣвушки ручаются за ея невинность. Подобное ручательство часто служитъ поводомъ къ большимъ ссорамъ, въ случаѣ если женихъ заподозритъ цѣломудріе невѣсты. Какъ бы то ни было, но по совершеніи брачнаго поручительства, невѣста посылаетъ жениху подарокъ, молодой отвѣчаетъ ей тѣмъ же. Во все это время ни тому, ни другому не дозволяется ни говорить, ни видѣться другъ съ другомъ.

Давъ согласіе на супружество, отецъ призываетъ къ себѣ дочь. Послѣдняя является покрытая полотнянымъ покрываломъ. Родитель, спросивъ: согласна ли она выйти замужъ, что впрочемъ доказываетъ ея покрывало, слегка ударяетъ ее разъ или два плетью (flagello): «этотъ *послѣдній* ударъ, любезная дочь», говоритъ отецъ, «пусть напоминаетъ тебѣ о родительской власти, подъ которою ты жила до сихъ поръ; ты выходишь изъ подъ нея; но помни, что если не будешь слушаться и уважать мужа, то онъ, вмѣсто меня, станетъ наказывать тебя плетью». Нѣжный папаша передаетъ плеть жениху, тотъ, по обыкновенію, сказавъ, что надѣется не имѣть въ ней надобности, беретъ и затыкаетъ ее за поясъ, какъ безцѣнный для него подарокъ. Вечеромъ, наканунѣ свадьбы, невѣста, сопровождаемая матерью и другими близкими ей женщинами, отправляется въ колымагѣ или въ возкѣ, если это зимою, въ домъ жениха. Приготовивъ роскошное брачное ложе, невѣста остается тамъ на всю ночь, стараясь, чтобъ женихъ не могъ ее видѣть. Въ назначенный для торжества день, покрытая съ головы до пояса полотнянымъ покрываломъ, дѣвушка отводится въ храмъ родителями и подругами; туда же, въ сопровожденіи друзей, приходитъ женихъ. Нельзя не замѣтить, что бояре, вообще женихи высшаго сословія,

всегда пріѣзжаютъ къ вѣнцу, даже и тогда, если церковь находится отъ дому въ нѣсколькихъ шагахъ. Брачная церемонія и слова, произносимыя священникомъ, почти одни и тѣже, какъ и у прочихъ христіанъ. Въ знакъ взаимной вѣрности, жениху и невѣстѣ надѣваютъ кольца, рука послѣдней передается жениху. Затѣмъ невѣста падаетъ жениху въ ноги, касаясь головою его сапоговъ, въ знакъ покорности. Молодой покрываетъ ее своею одеждою, знаменуя тѣмъ, что онъ будетъ ей защитникомъ. Тогда родственники и друзья обѣихъ сторонъ взаимно раскланиваются, въ знакъ того, что всегда будутъ жить въ дружбѣ и согласіи. Наконецъ отецъ жениха подноситъ священнику хлѣбъ, тотъ передаетъ его, какъ можно скорѣе, отцу невѣсты; передача сопровождается просьбой отдать жениху, въ назначенный день, обѣщанное приданое и жить какъ съ нимъ, такъ и его друзьями въ полномъ согласіи; равнымъ образомъ беретъ хлѣбъ невѣсты и, разломивъ на нѣсколько частей, роздаетъ родственникамъ и ближнимъ, выражая тѣмъ свое желаніе, чтобы они составляли собою какъ бы одинъ хлѣбъ. По окончаніи этихъ церемоній, женихъ выводитъ невѣсту на паперть и подаетъ ей ковшъ меду. Та отвѣдываетъ, продолжая скрывать лице подъ покрываломъ. Потомъ оба, со всѣми друзьями, возвращаются въ домъ родителей. При входѣ въ него молодыхъ обсыпаютъ хлѣбомъ въ знакъ плодовитости и богатства. Пока гости пируютъ, новобрачные должны исполнить таинство первой ночи. Послѣ двухъ или трехъ часовъ, проведенныхъ ими въ спальнѣ, нѣкоторые изъ гостей отправляются узнать отъ жениха: «невинна ли была невѣста?» Если *да*, то съ пѣснями, плясками, шумомъ и весельемъ гости ведутъ новобрачныхъ въ баню, украшенную различными цвѣтами и пахучими травами. Вымывшись, мужъ и жена отправляются въ церковь испросить у Бога благословенія на умноженіе ихъ потомства. Буде же женихъ найдетъ, что невѣста не невинна, то отсылаетъ ее къ ея родителямъ. Какъ судятъ здѣсь, по бѣлью брачнаго ложа и сорочкамъ молодыхъ, о невинности невѣсты, не берусь разсказывать изъ уваженія къ благопристойности и приличію нашего времени.

Почва, климатъ и рѣки Россіи.

(Стр. 212 — 214).

Почва Россіи суха и песчана, впрочемъ не во всѣхъ областяхъ одинакова. Страна, лежащая на сѣверѣ Сибири и около

земель самоѣдовъ, почти безплодна; причины этому какъ безконечные лѣса, покрывающіе этотъ край, такъ и суровость климата. Берега Волги славятся плодородіемъ, но они опустошаются постоянными набѣгами крымскихъ татаръ. Боясь дикихъ хищниковъ, москвитяне оставляютъ лучшія свои земли невоздѣланными, ненаселенными. Роскошныя южныя пастбища орошаются большими рѣками. Не менѣе плодороденъ край, раскинутый между Рязанью, Великимъ Новгородомъ, Москвою и Смоленскомъ. Впрочемъ, видъ всѣхъ этихъ провинцій много измѣняютъ времена года; такъ напр. зимою земля покрывается глубокимъ снѣгомъ, особенно на сѣверѣ европейской Россіи, ближе къ Бѣлому морю. Всѣ рѣки, не исключая весьма быстрыхъ, покрываются толстою ледяною корою, несходящею съ нихъ въ продолженіи, по крайней мѣрѣ, пяти мѣсяцевъ, т. е. отъ начала ноября до конца марта. Не рѣдко въ половинѣ только апрѣля снѣгъ и ледъ начинаютъ таять. Воздухъ въ зимніе мѣсяцы до того бываетъ иногда холоденъ, что капли воды, брошенныя вверхъ, замерзаютъ, прежде нежели упадутъ на землю. Говорятъ, что холодъ бываетъ иногда такъ силенъ, что многіе замерзаютъ, а другіе отмораживаютъ носы, руки, ноги. Подобной стужи мы не испытали, а потому я передаю это, основываясь только на разсказахъ другихъ. Въ справедливости и достовѣрности подобныхъ разсказовъ, можетъ быть, мы и убѣдимся, поживя здѣсь подольше [29]. Съ наступленіемъ весны картина природы быстро измѣняется: лѣса зеленѣютъ, вездѣ показывается растительность, цвѣты распускаются, сѣмена даютъ отпрыски, птицы, особенно соловьи, поютъ такъ пріятно, что, кажется, ничего не можетъ быть усладительнѣе этого дивнаго, гармоническаго пѣнія. Причина быстрой и роскошной растительности заключается въ томъ, что въ продолженіе зимы земля спасается отъ холода подъ толстымъ снѣжнымъ пологомъ. Съ первыми лучами весенняго солнышка, одежда эта быстро разрушается; песчаная и сухая земля жадно всасываетъ влагу

[29] Если Корбъ, пробывшій въ Россіи болѣе года и случайно не попробовавшій русскаго мороза, сомнѣвался въ томъ, что онъ достигаетъ иногда до весьма высокой степени, то мудрено ли, что чрезъ 40 лѣтъ, Европа не хотѣла вѣрить существованію Ледянаго дома. Многіе прямо называли баснями стрѣльбу изъ ледяныхъ пушекъ и тщательную отдѣлку мелкихъ вещей. См. статью: Ледяной домъ, шуты и забавы при дворѣ Анны Ивановны. Об. Вѣстникъ. 1857 г. N 16, прим. 12, стр. 561.

и, согрѣваемая солнцемъ, быстро покрывается растительностію. Какъ зимою нестерпимъ холодъ, такъ, напротивъ, въ лѣтніе мѣсяцы: іюнь, іюль и августъ, жаръ дѣлается невыносимымъ; онъ напоминаетъ иногда зной полуденныхъ странъ. Въ слѣдствіе этого плоды скорѣе созрѣваютъ. Большая часть Россіи изобилуетъ многими источниками, ручейками, озерами и большими рѣками. Къ благотворному вліянію величайшихъ и глубочайшихъ рѣкъ, орошающихъ почву, должно прибавить, что по нимъ совершаются торговыя сношенія самыхъ отдаленныхъ провинцій. Главнѣйшія рѣки въ Московіи суть слѣдующія: 1) Волга (древняя Ра), у татаръ Эдель, начинается изъ озера Волго [30] на разстояніи 40 германскихъ миль выше Ярославля. Принявъ со всѣхъ сторонъ много рѣкъ, она у Ярославля разливается въ ширину на одну милю; потомъ, соединившись въ Нижнемъ Новгородѣ съ Окою, впадаетъ многими большими устьями въ Каспійское море [31]. 2) Борисѳенъ, теперь Неперъ или Днѣпръ, начинаясь недалеко отъ столицы Московіи [32], близь деревни Днѣперской, отдѣляетъ Россію, близь города Очакова, отъ перекопскихъ татаръ (T. Precopensium), отдѣляетъ отъ Литвы (Lithuania) и впадаетъ въ Черное море. 3) Танаисъ, обыкновенно Донъ (у древнихъ граница между Европой и Азіей), вытекаетъ изъ озера Resan [33]. Сначала течетъ прямо чрезъ степи перекопскихъ татаръ, потомъ заворачиваетъ назадъ и въ не-

[30] Начало величественной Волги есть небольшой, болотный ключъ подъ 57° сѣв. шир. и 51° вост. долг. въ Осташковскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, на одной изъ высочайшихъ плоскостей Алаунскихъ горъ. Озерными расширеніями доходитъ эта рѣчка до озера Волго и вытекаетъ изъ него судоходною рѣкою.

[31] «Старое имя Волги *Роа*, подъ которымъ она древнимъ землеписателямъ греческимъ извѣстна. По пришествіи къ оной татаръ, въ началѣ 13 столѣтія, названа отъ нихъ *Идель, Адаль* или *Эдель,* что значитъ: *изобиліе, привольство* и *щедрость*, которое званіе весьма ей прилично. (Словарь описующій Рос. Имп. Миллера. Москва 1773 г. стр. 58—59).»

[32] Въ 150 верстахъ отъ Смоленска, въ бѣльскомъ уѣздѣ, въ лѣсистыхъ болотахъ и озерахъ западнаго склопа великой плоской возвышенности Алаунскихъ горъ, по близости источниковъ Волги и Двины.

[33] «Донъ, называемый татарами *Туна* или *Дуна*. Она древними почтена границею между Европой и Азіей. Миллеръ, 86.» — Донъ вытекаетъ изъ тульской губерніи епифаньскаго уѣзда, изъ небольшаго Ивановскаго озера, на границѣ велевскаго уѣзда.

большомъ разстояніи отъ Волги, усиленная другими рѣками, впадаетъ въ Меотійское (Maeotidem) море, близь Азова. По этой рѣкѣ плаваютъ изъ Москвы въ Константинополь. Спускаются сначала по Москвѣ рѣкѣ въ Оку, изъ нея въ Волгу, потомъ перетаскиваютъ судна на Донъ и спускаются по немъ въ море. 4) Сѣверная Двина вытекаетъ въ провинціи Вологдѣ [34]. Дѣлая большую кривизну, идетъ прямо къ Архангельску и вливается шестью устьями въ заливъ Св. Николая. Составляется она изъ двухъ рѣкъ: Юга (Jug) и Сухоны (Suchana); отчего произошло и самое имя; потому что Двина у русскихъ значитъ двойная рѣка (binos). 5) *Дина* (Западная Двина), начинаясь въ новгородской провинціи, [35] протекаетъ чрезъ Ливонію и за Ригой впадаетъ въ Балтійское море. 6) Онега, 7) Сухона, 8) Ока, 9) Москва, 10) Вычегда (Wichida), кромѣ того множество меньшихъ рѣкъ протекаютъ по провинціямъ Московіи. По нимъ провозятся въ Москву въ огромномъ количествѣ самыя лучшія и весьма рѣдкія рыбы и обыкновенно продаются по весьма дешевой цѣнѣ. Объ ихъ именахъ и видахъ я упомянулъ уже прежде въ дневникѣ. Куропатки, утки и другія дикія птицы, которыя въ иныхъ мѣстахъ Европы цѣнятся дорого, здѣсь продаются за ничтожную цѣну; такъ куропатка стоитъ двѣ или три копѣйки (одна копѣйка составляетъ двѣ деньги), прочіе роды птицъ стоятъ не дороже. Зайцевъ москвитяне считаютъ нечистыми, а потому сами ихъ не ѣдятъ, но продаютъ иностранцамъ, живущимъ здѣсь, по три или четыре копѣйки за штуку; даже говядина стоитъ не дороже. Напримѣръ, быкъ продается иногда за 4 или 5 имперіаловъ, теленокъ за 10 или 12 коп. Русскіе переняли отъ нѣмцевъ искуство сѣять, обработывать и разводить салатъ, капусту и другія овощи. Дыни растутъ въ Астрахани, орѣхи и виноградъ въ Кіевѣ (Kiovia). Москва изобилуетъ весьма красивыми прозрачными яблоками, называемыми наливными (Nolivae); яблокамъ этимъ позавидуютъ болѣе жаркія страны. Хотя въ настоящее время и чувствуется недостатокъ въ хлѣбѣ въ отдаленныхъ провинціяхъ Московіи, но за то осенью здѣсь болѣе бываетъ хлѣба, нежели нужно. Земля отъ

[34] Важнѣйшая рѣка сѣверозападной полосы Европейской Россіи, сѣверная Двина составляется изъ сліянія рѣкъ: Сухоны и Юга у города Устюга Великаго.

[35] Западная Двина беретъ начало, тверской губерніи, въ осташковскомъ уѣздѣ изъ болотистаго озера: Двинецъ.

природы довольно плодородна и только при совершенной лѣности и небрежности обитателей, можетъ сдѣлаться безплодною.

О иностранцахъ, живущихъ въ Москвѣ; о людяхъ военныхъ, купцахъ и художникахъ.

(Стр. 214—221.)

Знаменитый *Францъ Яковлевичъ Лефортъ*, перваго выборнаго московскаго полка генералъ и флота адмиралъ, родомъ женевецъ, лѣтъ за 20 чрезъ Бѣлое море съ двумя товарищами отправился въ Россію искать счастія, и чего искалъ, нашелъ: въ 1688-мъ году [36] ихъ царскія величества удалились въ Троицкій монастырь, спасаясь отъ мятежныхъ стрѣльцовъ, которые не только не щадили бояръ, украшенныхъ добродѣтелями, но жаждали и царской крови юныхъ государей. Въ столь смутное время, когда многіе колебались, чью принять сторону, не зная, чѣмъ кончится буря и кому достанется власть господства, Лефортъ съ немногими изъ своихъ воиновъ поспѣшилъ къ Троицѣ; такъ своею рѣшительностію онъ пошелъ фортунѣ на встрѣчу, а не послѣдовалъ за нею. Такою преданностію и самоотверженіемъ, въ минуты опасности, онъ пріобрѣлъ любовь царя, и самые несправедливые завистники должны согласиться, что Лефортъ ее заслужилъ. Между тѣмъ въ это роковое время отъ очень многихъ фортуна отвернулась; многіе счастіе и довольство должны были смѣнить на горькую долю и ссылку. Хотя не всегда и самому Лефорту благопріятствовала фортуна, однако благосклонность царя къ его семейству продолжалась даже послѣ смерти Лефорта, къ зависти всѣхъ его единоплеменниковъ. За четыре года до своей кончины Лефортъ отправилъ въ Женеву, для обученія наукамъ, единственнаго своего сына. Молодаго Лефорта провожалъ нѣсколько миль самъ Государь съ первыми своими сановниками [37]. Когда пріѣхалъ въ

[36] Ошибка, вмѣсто 1689.

[37] Царь имѣлъ въ виду образовать царевича Алексѣя при дворѣ Курфирста Саксонскаго, въ Дрезденѣ, въ обществѣ Генриха Лефорта, сына своего любимца. Вѣроятно съ тою цѣлью, чтобы молодой Лефортъ, съ которымъ царевичъ провелъ свое дѣтство, могъ служить ему на чужбинѣ, при знаніи русскаго языка, пріятнымъ собесѣдникомъ. Судьба опредѣлила иначе. По смерти отца Генрихъ или Андрей Лефортъ вступилъ въ нашу службу, и, въ чинѣ подпоручика бомбардирской роты, умеръ вскорѣ по взятіи Нотебурга въ 1703-мъ году. Мать его Елизавета дожила до глубокой старости.

Московію внукъ генералъ-адмирала, то государь встрѣтилъ его почти за три мили и въ знакъ пріязни подарилъ тому свою дорогую одежду. Любовь и расположеніе царя, Лефортъ хотѣлъ испытать другимъ образомъ и успѣлъ въ этомъ, какъ нельзя больше. Онъ показалъ царю сущность славы, возбудилъ въ немъ, не смотря на сопротивленіе всѣхъ бояръ, страсть къ воинскимъ доблестямъ. Въ походѣ противъ Перекопскихъ татаръ подъ Азовъ (укрѣпленіе близь Азовскаго моря), благодаря вліянію Лефорта, начальствовали не бояре, а самъ царь. Самъ же генералъ Лефортъ, во время продолжительной осады, не имѣя способностей воинскихъ, не раздѣлялъ на самомъ дѣлѣ трудовъ осаждавшихъ, не принималъ дѣятельнаго участія и въ военныхъ совѣтахъ; велъ себя какъ довольно храбрый солдатъ, но далеко не какъ искусный и свѣдущій полководецъ [38]. Онъ посовѣтовалъ царю послать за границу блистательное посольство, вовремя предпринявъ его, потому что тогда по договору съ августѣйшимъ императоромъ нашимъ въ Московіи все было предусмотрѣно и предохранено отъ внѣшнихъ враговъ. Перекопскіе татары были выгнаны какъ изъ своего полуострова, такъ и изъ всего Крыма (?!). По взятіи крѣпости Очакова, москвитяне могли бы подступить съ своимъ побѣдоноснымъ флотомъ къ стѣнамъ константинопольскаго порта и нанести большой ужасъ, если не совершенную гибель туркамъ, еслибъ были въ состояніи противупоставить врагамъ силу, равную своей славѣ.

Никто изъ москвитянъ не можетъ не признать, что первою заботою Лефорта была польза отечества и выгоды государя. Прежде не позволено было пріѣзжать иностранцамъ въ Россію;

[38] Патрикъ Гордонъ, всегда осторожный въ сужденіяхъ о другихъ лицахъ, при описаніи перваго азовскаго похода, не могъ скрыть своей досады на Лефорта, который распоряжался своимъ отрядомъ весьма неискусно, мало обнаруживалъ основательныхъ свѣдѣній въ военномъ дѣлѣ и думалъ какъ нибудь кончить походъ, только бы скорѣе возвратиться въ Москву. Маіоръ Александръ Гордонъ, бывшій съ нимъ во второмъ азовскомъ походѣ, говоритъ именно, что Лефортъ почти ничего не разумѣлъ въ военномъ искуствѣ, ни на морѣ, ни на сушѣ; но царская милость все замѣняла. Капитанъ Перри, знавшій его лично, прямо говоритъ: «царскій любимецъ Лефортъ, который ничего не понималъ на морѣ, былъ объявленъ адмираломъ.» Петръ полюбилъ Лефорта за беззаботную веселость, столь плѣнительную послѣ тяжкихъ трудовъ, за природную остроту ума, доброе сердце, ловкость, смѣлость, а болѣе всего за откровенную правдивость и рѣдкое въ его время безкорыстіе...

мудрый царь уничтожилъ этотъ законъ и съ тѣхъ поръ торговля стала процвѣтать, увеличивая чрезъ то общественное благо. Не меньшей похвалы заслуживаетъ и то, что иновѣрцамъ, которыхъ прежде заставляли принимать русскую религію часто голодомъ, заключеніемъ, угрозами и мученіями, теперь дозволено свободно исповѣдывать свою религію. И русскіе наконецъ поняли, что вѣра есть даръ Божій, который дается Богомъ, а не распространяется оружіемъ! По старанію Лефорта, посылаютъ за границу молодыхъ людей, которые, если не обманутъ, по своей безпечности, возлагаемыхъ на нихъ надеждъ, то возвысятъ Московію своими совѣтами и сдѣлаютъ сильною своимъ искуствомъ, благоразуміемъ и храбростью. Если же Лефортъ заслужилъ негодованіе царя за излишнее презрѣніе къ русскимъ, то едва ли могутъ упрекнуть его въ томъ тѣ лица, которыя находились въ это время въ Пилавѣ [39].

Преданный реформатству, онъ не могъ скрывать врожденной ненависти къ православнымъ и былъ жестокъ поэтому даже съ своей жёной, пока царь не положилъ конца этой жестокости? Реформатскій пасторъ Стумпфіусъ (Stümphius) публично съ каѳедры упрекалъ Лефорта въ этихъ недостаткахъ [40]. Впрочемъ, пріобрѣтя своею вѣрностію расположеніе государя, угодливостью—равныхъ себѣ и ласковостью — всѣхъ вообще, онъ не употреблялъ во зло той власти, которою былъ облеченъ. Когда онъ умеръ отъ горячки, [41] многіе жалѣли, а его величество проливалъ слезы. Годовое жалованье Лефорта было тысяча рублей [42].

[39] Неизвѣстно, о какомъ обстоятельствѣ упоминаетъ здѣсь Корбъ?

[40] Извѣстіе это, по замѣчанію Устрялова, несправедливо; Стумпфіусъ, въ видѣ общаго поученія, убѣждалъ слушателей всегда хранить чистоту души и не осквернять ее грѣховнымъ смрадомъ; о Лефортѣ же отзывался съ любовью и искреннимъ сожалѣніемъ, III, 262. Тутъ же помѣщенъ Устряловымъ современный переводъ надгробнаго слова пастора, читаннаго на нѣмецкомъ языкѣ. Надо думать, что Корбъ либо не понялъ витіеватаго оратора, либо не дослышалъ его.

[41] Любопытное описаніе смерти Лефорта помѣщено Корбомъ въ его дневникѣ; стр. 119—121. Устряловъ внесъ это описаніе въ исторію Петра. Т. III, 262—271.

[42] Считаемъ нужнымъ замѣтить, что тысяча рублей по тому времени чрезвычайно важная сумма. Она соотвѣтствуетъ почти тысячѣ червонныхъ по нынѣшнему курсу.

Не менѣе знаменитый *Патрицій Гордонъ* происходитъ отъ знатной шотландской фамиліи. Служилъ сначала въ Швеціи, потомъ въ Польшѣ. Плѣненный во время несчастной войны москвитянами, поступилъ къ нимъ на службу. [43] Славный воинскими доблестями, Гордонъ, командуя русскимъ войскомъ, не имѣлъ соперника дотолѣ, пока не навлекъ на себя ненависть Василія Голицына, сторонника Софьи Алексѣевны [44]. Эта честолюбивая женщина домогалась исхитить бразды правленія изъ рукъ молодыхъ царей. Другъ ея, Голицынъ, нынѣ сосланный въ Сибирь, получилъ достойное возмездіе за необузданное властолюбіе. Онъ своими происками низвелъ Гордона со степени высшаго начальника въ званіе подчиненнаго [45]; но, встрѣтивъ въ немъ твердость и презрѣніе ко всѣмъ нападкамъ, унизилъ чрезъ это только самаго себя и вышелъ изъ борьбы побѣжденнымъ. Изобличенный въ запрещенномъ и гибельномъ для Московіи сношеніи съ чернью, Голицынъ едва не былъ лишенъ жизни, и только государь, желавшій въ началѣ своего правленія показать милосердіе, удовольствовался ссылкою его въ Сибирь. Узналъ Голицынъ, какъ легокъ путь въ ссылку! Гордонъ, напротивъ, перенеся безъ ропота сильную ненависть и незаслуженное униженіе, снова возведенный, милостію царя, въ прежнее высшее достоинство, узналъ на опытѣ, какъ часто зависть и ненависть возвышаютъ однихъ, низвергая вмѣстѣ съ тѣмъ другихъ.

Онъ свято исполнялъ долгъ воина и москвитяне не могутъ лишить его и по смерти того уваженія, которое оказывали ему

[43] Корбъ ошибается. Гордонъ по 19-му году поступилъ въ Гамбургѣ въ шведскій полкъ; чрезъ полгода попался въ плѣнъ къ полякамъ и сдѣлался драгуномъ. Вскорѣ попался въ плѣнъ къ бранденбургскимъ солдатамъ и, по ходатайству генерала Дугласа, снова поступилъ въ шведскую службу. Затѣмъ снова плѣненный поляками сдѣланъ былъ, Яномъ Собѣскимъ, квартирмейстеромъ. Спустя четыре года вышелъ въ отставку и, по убѣжденію русскаго посла Леонтьева, добровольно перешелъ въ нашу службу маіоромъ.

[44] Любопытно то обстоятельство, что вопреки непріязни В. В. Голицына къ Гордону, непріязни преувеличенной Корбомъ, Гордонъ не ранѣе перешелъ на сторону Петра, когда Софью покинули стрѣльцы.

[45] Корбъ, вѣроятно, говоритъ здѣсь о разжалованіи Гордона, за слишкомъ настойчивыя требованія, изъ генералъ-поручиковъ въ солдаты. Впрочемъ умный Голицынъ, дорожа Гордономъ какъ храбрымъ полководцемъ и дѣятельнымъ военнымъ администраторомъ, чрезъ три недѣли произвелъ его въ прежній чинъ.

при жизни. Осторожный во всемъ, онъ съ такою осмотрительностію заботился о благосостояніи своего государя, что никогда нельзя было обвинить его въ какомъ нибудь безразсудномъ поступкѣ. Русскіе болѣе всего любили умные его совѣты, дорожили его проницательностію, пользовались его помощью при всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Говорятъ что, когда царь отправлялся за границу, Гордонъ посовѣтовалъ ему раздѣлить, на время его отсутствія, управленіе царствомъ между тремя лицами для того, чтобы они, при взаимной ревности, съ большимъ стараніемъ занимались дѣлами. Такимъ образомъ, власть въ управленіи государствомъ раздѣлена была между ними поровну. Естественно, что подобное предложеніе устраняло исключительное господство одной личности. И если не будетъ никакого подозрѣнія, что народъ любитъ одного на счетъ другихъ, и, во имя его, затѣваетъ какой нибудь бунтъ, могущій потрясти царство, то врядъ ли мальтійскіе кресты будутъ достойными наградами благоразумнымъ правителямъ царства. Управлять провинціями и быть посломъ у иностранцевъ, иногда можетъ быть названо наказаніемъ, а не наградою, ибо нѣтъ ничего проще какъ изгнать того, кто страшенъ своимъ могуществомъ, страшенъ почетнымъ славнымъ именемъ, мѣстомъ, имъ занимаемымъ, страшенъ любовью къ нему народа [46].

Мудрость совѣтовъ, зрѣлость сужденій и во всемъ предусмотрительная заботливость украшали Гордона. Чуждый гордости и высокомѣрія, онъ пользовался такимъ расположеніемъ москвитянъ, по природѣ непріязненныхъ къ иностранцамъ, особенно занимающимъ высшія должности, что, во время внутренняго возмущенія, домъ его былъ безопаснымъ и вѣрнымъ убѣжищемъ для иностранцевъ [47]. Самъ государь за частую называлъ его отцемъ. Уважаемый боярами, почитаемый думными, любимый знатными и народомъ, онъ имѣлъ среди всѣхъ такой авторитетъ, какой врядъ ли могъ заслужить не только иноземецъ, но даже

Весьма вѣроятно, что въ этихъ строкахъ, смыслъ которыхъ не совсѣмъ ясенъ, рѣчь идетъ о знаменитомъ Б. П. Шереметевѣ, кавалерѣ мальтійскаго ордена, почетномъ послѣ въ Италію, бояринѣ доблестномъ, любимомъ и войскомъ и народомъ. Въ 1774 году вышло великолѣпное изданіе (по тому времени) въ листъ, переписки его съ Петромъ и дневникъ путешествія его за границей. Къ нему приложено нѣсколько рисунковъ.

[47] Подтвержденіе этого факта не находится въ сказаніяхъ другихъ современниковъ; его нѣтъ и въ исторіи стрѣлецкихъ возстаній.

москвитянинъ. Умѣя искусно лицемѣрить и притворяться, руководствуясь Аристотелемъ, Гордонъ говорилъ государю только то, что могло тому нравиться, и о выгодахъ другихъ заботился на столько, чтобъ отъ этого не страдали, какъ его собственные интересы, такъ и интересы его приближенныхъ. Я былъ пораженъ изумленіемъ, когда мнѣ пришлось просить, по порученію императорскаго посла, удовлетворенія за обиду, нанесенную нашимъ слугамъ караульными солдатами. При этомъ я выставлялъ неприкосновенность особы посла, принятую единодушно всѣми народами; но получилъ отъ него въ отвѣтъ, что въ Московіи на пословъ смотрятъ иначе и прислугу ихъ можно всегда наказывать за проступки. [48] Хотя въ наше время не случилось ничего такого, что подтвердило бы эти слова, однако мы имѣемъ доказательства, что они справедливы. То, что случилось съ шведскимъ посломъ, не подлежитъ сомнѣнію [49]. Я никогда не думалъ, чтобъ неприкосновенность пословъ, столь свято охраняемая у другихъ народовъ, была совершенно презрѣна въ Россіи.

[48] Вотъ какъ записанъ случай, о которомъ здѣсь упоминаетъ Корбъ, въ цесарскихъ дѣлахъ московскаго главнаго архива 7206 года: «30 мая 1698 года случилась на посольскомъ дворѣ ссора. Гваріентъ сообщилъ въ посольскій приказъ слѣдующее: для рожденія государя его, цесаря, былъ у него обѣдъ. Въ то время русской сапожникъ принесъ къ его покоевому человѣку продавать сапоги. Человѣкъ, взявъ ихъ, началъ въ рукахъ поминать и спрашивалъ, какая то кожа? Сапожникъ закричалъ: для чего онъ товаръ ломаетъ? Какъ-де самому ему носъ сломить, каково будетъ? и, взявъ за носъ, началъ трясти. Другой человѣкъ сапожника оттолкнулъ; за то у нихъ произошла ссора на дворѣ у крыльца. Когда сапожникъ ушелъ со двора, прибѣжалъ караульный солдатъ и взялъ случившагося тутъ человѣка дохтура Цобота. Другой человѣкъ, выбѣжавъ изъ палатъ, сталъ его отнимать; а солдатъ началъ того бить кулаками подъ бока. Учинилась драка. Солдатъ принялся за ружье. Посланникъ, увидѣвъ то въ окно, самъ выбѣжалъ на дворъ и приказалъ взять солдата, бившаго его человѣка. Онъ просилъ охранить его отъ безчестія, которое не разъ чинили караульные солдаты и требовалъ наказанья виновному въ тотъ же день, при немъ. По розыску стольника кн. Ѳ. Ю. Ромодановскаго солдатъ битъ батогами на посольскомъ дворѣ къ немалому удовольствію посланника.»

[49] Шведское посольство прибыло въ Москву 26 іюня 1699 г. и было принято Л. К. Нарышкинымъ крайне сурово. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, въ ожиданіи царя, бывшаго въ керченскомъ походѣ, не получая отъ посольскаго приказа надлежащаго содержанія, оно было жестоко оскорблено этимъ. О какой именно обидѣ шведскому послу говоритъ здѣсь Корбъ, неизвѣстно.

Подобное обстоятельство безспорно проливаетъ дурной свѣтъ, въ глазахъ каждаго просвѣщеннаго европейца, на московскіе нравы.

Гордонъ былъ пожилой мужчина во время нашего отъѣзда изъ Московіи [50]; онъ самъ проводилъ насъ до села Фили. Умеръ 9 декабря 1699 года, въ 8 часовъ утра. Его царское величество посѣщалъ его пять разъ во время тяжкой болѣзни, а въ послѣднюю ночь былъ даже два раза, и, по кончинѣ, самъ закрылъ ему глаза. Онъ понималъ, какъ велика была эта потеря для него и государства, и потому приказалъ совершить погребеніе Гордона съ тою же церемоніей, какая была при погребеніи Лефорта. Его провожали три полка съ трубами и барабанами и самъ царь находился при своемъ полку. Пальба изъ 24 большихъ орудій заключила этотъ печальный обрядъ. Предъ похоронами совершено было священнослуженіе и произнесена рѣчь, по приказанію царя, императорскимъ миссіонеромъ Іоанномъ Берулою (Berula). Царевичъ съ сестрою царя, Натальею, были въ католической церкви наканунѣ похоронъ ([51]). Годовое жалованье Гордона было тысяча рублей.

Адамъ Вейде (Adamus Weyd), по происхожденію нѣмецъ, родившись въ Москвѣ, служилъ сначала аптекаремъ, потомъ поступилъ въ военную службу. Чтобы заслужить вниманіе и расположеніе государя, онъ не только самоучкою изучилъ искуство проводить мины, но пустился на всякаго рода изобрѣтенія, относящіяся до подземной войны. Но изобрѣтенія его оказались неудачными. Когда государь повелѣлъ устроить при осадѣ Азова эти мины, онѣ оказались гибельными не для враговъ, но для осаждавшихъ солдатъ. Нѣсколько сотъ человѣкъ, охранявшихъ валъ, взлетѣло на воздухъ [52]. Впрочемъ онъ удержалъ за собою должность главнаго начальника надъ стражей во время послѣдняго московскаго посольства къ императорскому двору [53]. Вейде находился въ австрійскомъ лагерѣ, когда его свѣтлость

[50] Въ 1699 году Гордону было 64 года.

[51] О смерти и погребеніи Гордона см. Устр. III, 345.

[52] Александръ Гордонъ пишетъ, что послѣ неудачнаго взрыва 16 сентября 1695 г. въ первомъ азовскомъ походѣ, Вейде нѣсколько дней не рѣшался показаться войску, изъ опасенія быть убитымъ солдатами и стрѣльцами.

[53] Въ почетномъ чинѣ маіора лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Адамъ Адамовичъ Вейде посланъ въ 1697 году въ Курляндію, Пруссію, Австрію и Голландію съ увѣдомленіемъ о *великомъ посоль-*

Евгеній Савойскій, подъ руководствомъ августѣйшаго императора, разбилъ турокъ при Центѣ [54]. Вейде самъ не можетъ довольно надивиться, какъ много пріобрѣлъ онъ свѣдѣній, касательно военнаго искусства, изъ этой борьбы героевъ и храбрѣйшихъ мужей [55]. Онъ хвалится и тѣмъ, что его свѣтлость Евгеній, прежде чѣмъ напалъ на враговъ, спрашивалъ, по врожденному великодушію, его объ этомъ мнѣнія. Когда мы жили еще въ Москвѣ, Вейде получилъ чинъ бригаднаго генерала, должность котораго совпадаетъ съ должностью начальника надъ стражей; по смерти же генераловъ Лефорта и Гордона, говорятъ, ему ввѣрена высшая власть въ военныхъ дѣлахъ. Но и надъ нимъ разразился гнѣвъ Божій, чтобъ онъ никогда не забывался въ счастіи. Оно отвернулось отъ него въ Воронежѣ [56].

Генералъ Менгденъ (Mengden) получаетъ жалованья 600 рублей. Генералами служатъ также два брата Риманъ (Riman); изъ нихъ старшій Карлъ едва не былъ убитъ за то, что не хотѣлъ дать своего нѣмецкаго платья для маскарадной потѣхи.

Полковниковъ въ Московіи много. Изъ нихъ Казиміръ деГраге (de Grage) полковникъ осадной артиллеріи, присланъ четыре года тому назадъ императоромъ Леопольдомъ — католикъ. За нимъ слѣдуютъ командиры четырехъ гвардейскихъ полковъ: баронъ Блумбергъ (Blumberg) изъ дворянъ курляндскихъ. Августъ Яковъ Гордонъ, сынъ генерала Гордона, католикъ. Лима-католикъ [57]. Всѣ они получаютъ по 400 рубл. въ годъ. Августъ

ствв, которое отправлялось туда изъ Россіи. Вейде вездѣ былъ принятъ съ особеннымъ уваженіемъ.... Слов. достоп. людей Каменскаго, т. 1. с. 253, изд. 1836.

[54] «10 сентября 1697 года Адамъ Вейтъ, говоритъ Петръ въ письмѣ къ Виніусу 5 октября 1697 г., изъ Амстердама, писалъ ко мнѣ письмо, въ которомъ, подтверждая о бою при Центѣ, котораго онъ подлинный свидѣтель есть, понеже межь побѣдители и самъ частію былъ» и т. д.

[55] Бригадиръ Вейде доказалъ свою наблюдательность и хорошее ознакомленіе съ устройствомъ нѣмецкихъ войскъ любопытнымъ сочиненіемъ, напечатаннымъ, съ посвященіемъ государю, въ 1698 году, о составѣ регулярнаго войска, съ приложеніемъ артикуловъ для обученія солдатъ ружейнымъ пріемамъ.

[56] Мы не могли доискаться о какомъ случаѣ упоминаетъ здѣсь Корбъ.

[57] *Юрій Степановичъ* Лима предъ 2-мъ азовскимъ походомъ въ 1695 году былъ назначенъ вице-адмираломъ *морскаго регимента.*

Чамберсъ (Schambers) того же исповѣданія [58]. Кромѣ названныхъ есть еще полковники безъ полковъ. Въ мирное время, внѣ походовъ, они при тѣхъ же чинахъ получаютъ половинное содержаніе. Таковы полковники: Ахтентовель (Auhentowel), католикъ изъ Шотландіи, Палькъ де-Верденъ, Меусъ, Брюсоъ, Юнкманнъ, Юнгерсъ, Вернеръ, Вестгофъ, Англеръ, Лефортъ, Де-Дельденъ, Цимбиръ (Cimbir), Тубинъ, (Tubin) всѣ они реформатскаго или англиканскаго исповѣданія. Замѣчателенъ изъ нихъ полковникъ Тубинъ. Человѣкъ уже старый, онъ прослужилъ въ Сибири тридцать лѣтъ, получая вознагражденія ежегодно не болѣе 100 рубл. Впрочемъ теперь прибавлено ему еще 20-ть!

Подполковниками войскъ московскихъ, служатъ нѣмцы: Коломъ (Colom), Дюпрегъ, (Duprez) Левингстонъ, Рафурмъ, Бордвичъ, Боговскій (Bogowski), Сальмъ, Брюссъ, Дельденъ, Липсдорфъ, Клеменцъ, Шлиппенбахъ (Schlippenbach), Ронардъ.

Маіорами: Менезіусъ, Торлявиль (Taurlawille), Штраусъ, Шиллингъ (Schilling), Клеймъ, Ницъ (Niz), Остоя, (Ostoja), Гольстъ, Гость, Веберъ.

Капитанами служатъ: Рикманъ, Гуммертъ, Эрекель (Erekel), Бакхо (Baccho), Принцъ (Prinz), Гордонъ, Лиманъ, Зёсъ (Soes), Бокъ, Функъ, Бордвичъ, Саванскій (Sawanski), Фробесъ, Вейде, Гольстъ, Польстъ, Роефурмъ, Кальдбернеръ, Брейеръ, Гробъ, Цеге-де-Мантейфель, Вестгофъ, Меусъ, Гостъ, Брантъ, Принекъ, Гамбель, Павловскій (Pawlowski), Бернеръ, Винтеръ, Энгельсъ, Робертъ убитъ солдатами, которыхъ привелъ къ Новодѣвичьему монастырю [59], Мюльнеръ 1-й и 2-й, Островскій (Ostrowski), Фаденрейхъ, Гохенрейнъ, Эденбахъ, Элингаузенъ, Келлинггаузенъ, (Kellinghausen).

Флотскіе капитаны: Памбургъ (Bamberg) [60], Кинъ (Kiehn), Мейеръ, Рейсъ. Послѣдній исправлялъ, вмѣстѣ съ званіемъ флотскаго капитана, должность фискала (доносчика).

Исправляющіе должности капитановъ [61]: Пригенъ, за то что

[58] Иванъ Ивановичъ Чамберсъ былъ командиромъ Семеновскаго полка.

[59] Такъ же одинъ изъ случаевъ, не упоминаемый ни однимъ изъ современныхъ писателей.

[60] Памбургъ (такъ названъ онъ въ бумагахъ главнаго московскаго архива) португальскій выходецъ, ѣздилъ вмѣстѣ съ Е. П. Украинцевымъ въ Константинополь. 1699 г., смотр. ниже.

[61] Что соотвѣтствуетъ нынѣшнимъ штабсъ-капитанамъ.

просилъ отставки, былъ нещадно наказанъ батогами [62] по повелѣнію В. В. Голицына и сосланъ въ Казань; Фогродъ, Лицкинъ, Вудъ, Лейко, Фастманъ, Юнгеръ, Рихманъ, остальныя за тѣмъ вакансіи заняты русскими.

Многіе изъ поименованныхъ мною иноземцевъ выходцы курляндскіе и ливонскіе. Они смѣло пускаются изъ своей отдаленной отчизны въ столицу Россіи, съ цѣлью избавиться отъ шведскаго ига. — Власть Швеціи съ каждымъ годомъ дѣлается для прибалтійскихъ странъ невыносимѣе. — Мнѣ разсказывалъ въ дружеской бесѣдѣ одинъ изъ курляндскихъ эмигрантовъ, что онъ прибылъ въ Россію съ цѣлью узнать, достаточно ли силы у владыки московскаго государства, чтобы взять подъ покровительство своей державы угнетаемую Ливонію и защитить ее отъ деспотизма шведскаго правительства. Съ тѣмъ же намѣреніемъ, по словамъ разскащика, нѣкоторые изъ нихъ отправились въ Польшу. Свергнувъ ненавистное иго шведовъ, Ливонія готова передаться во власть одного изъ могущественнѣйшихъ сосѣдей. Къ этому рѣшительному шагу вынуждаетъ ихъ безправное отнятіе у нихъ всѣхъ льготъ, налоги и подати, беззаконно взыскиваемыя съ нихъ. — Впрочемъ я живу уже здѣсь, заключилъ мой собесѣдникъ, почти два года и все еще не получилъ ни малѣйшей надежды на содѣйствіе Московіи моимъ соотечественникамъ.

Предъ началомъ военныхъ дѣйствій, противъ турокъ и татаръ, царь въ дружескихъ письмахъ къ цесарю и къ другимъ дворамъ германскихъ государствъ, убѣдительно просилъ прислать къ нему людей свѣдущихъ въ военной архитектурѣ, въ литьѣ пушекъ и веденіи подземной войны. Въ слѣдствіе этой просьбы, австрійскимъ императоромъ присланы были: артиллеріи полковникъ Казиміръ де-Граге, военные архитекторы и искусные литейщики: баронъ Боргсдорфъ, Антоній де-Лаваль, Лаврентій Шмитъ, Лаврентій Урбанъ. Вмѣстѣ съ ними прибыли въ Россію шесть человѣкъ, умѣвшихъ проводить мины [63].

[62] Batoccis, толстыя палки, толщиною въ два пальца. Наказаніе ими считалось обыкновеннымъ, полицейскимъ исправительнымъ взысканіемъ. Ему подвергались всѣ, отъ сановниковъ до послѣдняго мужика.

[63] Октября 27, 1695 г. Царь убѣдительно просилъ цесаря отпустить къ нему опытныхъ инженеровъ и минеровъ. Спустя мѣсяцъ, послалъ даже въ Вѣну дьяка Кузьму Нефемонова. Между другими порученіями предписано было ему заботиться о скорѣйшей высылкѣ

Его свѣтлостью курфирстомъ бранденбургскимъ были присланы: военные архитекторы, инженеры: Георгъ Розе, Давидъ Гольцманъ; артиллеристы: Іоаннъ Яковъ Шустеръ, Илья Коберъ, Самуилъ Гаке, Густавъ Кизеветеръ [64].

Голландскими штатами были присланы: де-Штаммъ, Гускій, Гордесъ, Шмитъ, Шперейтеръ [65].

Купцы иноземные, живущіе въ Москвѣ, преимущественно англичане и голландцы. Таковы: Миндеръ, Галль, Вольфъ, Брантъ, Липсъ, Поппъ, Лейденъ, Гакенбрантъ, Изенбрантъ, Каненгисеръ; только католикъ Антоній Гаскони, выходецъ изъ владѣнія великаго герцога Этруріи (Hetruriae) [66].

военныхъ иноземцевъ. Въ тоже время о присылкѣ подкопныхъ мастеровъ писано было и къ курфирсту бранденбургскому Фридриху III.

Въ грамотѣ къ царю, императоръ чрезвычайно расхваливалъ Де-Граге, Де-Лаваля и Боргсдорфа. Всѣ они оправдали эти отзывы. Частыми экзерциціями де-Граге пріучилъ нашихъ канонеровъ къ мѣткимъ выстрѣламъ картечью, до тѣхъ поръ намъ неизвѣстною. Съ этихъ-то поръ губительный огонь нашихъ орудій не разъ разсѣевалъ густыя массы татарскихъ наѣздниковъ. Лаваль и Боргсдорфъ принимали дѣятельное участіе въ укрѣпленіяхъ береговъ Чернаго моря и устья Дона. Объ артилеріи Петровскаго времени смотр. прекрасныя статьи *В. Ѳ. Ратча* въ Артилер. жур. и Военн. Сборникѣ 1859 и 1860 г.

[64] Шустеръ и Кизеветеръ оставили нашу службу въ 1699 году.

[65] Всѣ эти иноземцы, выписанные Петромъ, прибыли къ Азову только за двѣ недѣли до его сдачи. Причиною сего была безтолковость Украинцова, который считалъ опаснымъ, изъ боязни огласки, извѣстить нашего резидента въ Вѣнѣ объ открытіи военныхъ дѣйствій, «есть ли сеансъ (смыслъ) въ его здоровьи, писалъ царь къ Виніусу сильно разсерженный на Украинцова, скажи ему, что чего онъ не допишетъ впредь на бумагѣ, то я допишу ему на спинѣ.»

[66] Любопытныя подробности о выѣздѣ иноземцевъ въ Россію, въ XVII вѣкѣ, смотри у Устр. I, 181 — 190, (а) Василій Голицынъ, наперсникъ Софіи, по словамъ знавшаго его Невиля, показывалъ любовь къ правительству болѣе изъ видовъ, нежели по сердечной склонности. Чрезвычайно интересно слѣдующее изображеніе Софіи, оставленное тѣмъ же писателемъ: «съ безмѣрною толщиною, она на маломъ туловищѣ имѣла широкую голову, нѣсколько волосъ на подбородкѣ, чирьи на ногахъ, и на видъ, по меньшей мѣрѣ, имѣла подъ 40 лѣтъ; но уродливость тѣла ея замѣнялъ умъ проницательный, утонченный и, не читавъ никогда Макіавелля, она отъ природы одарена была всѣми его правилами.» Relation curieuse de Moscovie. 1689 г., стр. 17. Смотр. также большую статью: «Современные портреты Софіи Алексѣевны и В. В. Голицына. 1689 г.» «въ Русскомъ Словѣ.» 1859 г. № 12.

О боярахъ и главныхъ сановникахъ московіи.

(Стр. 214—221).

Князь Василій Голицынъ былъ вице-королемъ царствъ казанскаго и астраханскаго, правителемъ посольскихъ дѣлъ и хранителемъ и оберегателемъ царской печати.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ первымъ вельможей и, по своему благоразумію и мужеству, имѣлъ такую власть у молодыхъ царей, что самъ управлялъ царствомъ вмѣсто нихъ (а). Намѣреваясь захватить еще больше власти надъ Россіею, онъ къ своимъ занятіямъ политическими дѣлами присоединилъ военныя, предпринявъ походъ противъ варваровъ. Сначала счастіе покровительствовало его нечестивымъ надеждамъ; но когда онъ слишкомъ уже завлекся въ своихъ дерзкихъ замыслахъ, стремясь достигнуть высшей степени могущества, по видимому близкой къ нему, онъ почти помѣшался на желаніи осуществить свои честолюбивые планы, то судьба покинула его... Начались пагубныя волненія и смуты внутри государства. Голицынъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ виновниковъ этихъ безпорядковъ, которые неудержимымъ потокомъ стали распространяться по главнѣйшимъ городамъ Московіи. Между тѣмъ наперсникъ Софіи двинулся съ громадною арміею въ Крымъ. Въ Крыму, на пространствѣ ста миль, лежатъ мѣста не населенныя по причинѣ частыхъ набѣговъ. Голицынъ зажегъ траву этихъ степей, подъ предлогомъ лишить татаръ корма для ихъ лошадей; но въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы на этихъ кострахъ погребести своихъ воиновъ [67]. Въ самомъ дѣлѣ, лишь только вознамѣрился онъ напасть на татаръ, все войско его обратилось въ бѣгство отъ дыму и нѣсколько тысячъ погибло ужасною смертію: они задохлись отъ нестерпимаго, смраднаго дыму. Въ послѣдствіи открылось, что виновникомъ этой гибели былъ самъ Голицынъ. У него нашли деньги, которыми его подкупили татары, и самъ онъ признался, что причиною это-

[67] Осторожный Корбъ, на этотъ разъ, измѣняетъ своему правилу: «не всякому слуху вѣрь» и повторяетъ, современные ему, нелѣпые толки и обвиненія, взводимыя на наперсника Софіи. Неспособность къ командованію войскомъ и веденію войны, малодушіе какъ его, такъ и нѣкоторыхъ ближнихъ совѣтниковъ Голицына,

го поступка было его вѣроломство [68]. Лишенный всего, что имѣлъ, онъ и въ Сибири не переставалъ владѣть большимъ собраніемъ цѣнныхъ собольихъ мѣховъ. Въ настоящее время, по снисхожденію государя и состраданію нѣкоторыхъ вельможъ, онъ живетъ ближе къ Москвѣ [69], дневное содержаніе его, непревышавшее въ ссылкѣ алтына, нынѣ увеличено. Для его утѣшенія къ нему пріѣхала супруга, чтобъ раздѣлить несчастіе, какъ прежде дѣлила счастіе. Его должности теперь исправляютъ двое.

Посольскими дѣлами (посольскимъ приказомъ) управляетъ *Левъ Кириловичъ Нарышкинъ* (Leo Kirilowiez Nareskin). Достигнуть такой большой почести ему помогла сестра его, Наталья Кириловна, мать царя. Нѣкоторые завидуютъ его званію: перваго вельможи, потому что онъ, еще юноша, возвысился надъ многими стариками, простиравшими свои честолюбивые виды на этотъ, столь почетный и высокій, постъ. Но, кажется, всѣ споры объ этомъ должны быть прекращены, потому что Нарышкинъ исправляетъ свои обязанности еще съ большимъ стараніемъ, чѣмъ его предшественники. Человѣкъ самыхъ строгихъ правилъ, вполнѣ проникнутый важностію своей обязанности, онъ не принимаетъ никогда вредныхъ совѣтовъ.

вотъ что погубило наше войско. Нѣтъ сомнѣнія, пишетъ безпристрастный историкъ Петра, что не крымское золото, не безводица и не безкормица, а малодушіе главнаго предводителя, столь же неспособнаго, какъ и самовластнаго, принудило войско къ постыдному отступленію. Устр. Истор. Петра І-го.

[68] Въ то время, когда Шакловитый, Медвѣдевъ и другіе партизаны Софіи, послѣ ужасныхъ пытокъ (ихъ подымали на виску съ огнемъ и кнутомъ) погибли на эшафотѣ, Голицынъ не только не былъ казненъ, но и неиспыталъ ужаса *застѣночнаго розыска*. Это объясняется тѣмъ, что на приговоръ его имѣлъ большое вліяніе двоюродный братъ его, Борисъ Алексѣевичъ, страстно преданный интересамъ Петра и горячо любимый этимъ государемъ. Онъ исходатайствовалъ, вмѣсто казни, ссылку своему двородному брату, съ тѣмъ чтобы пыткою и эшафотомъ не опозорить родовую честь.

[69] Какъ черту характеристическую, знакомящую насъ съ духомъ вѣка и съ первымъ любовникомъ царевны, Желябужскій приводитъ слѣдующій фактъ: «Василій Голицынъ вѣрилъ въ волшебство и чародѣйство. Безумецъ Бунаковъ, вздумавшій собирать землю тамъ, гдѣ ступалъ князь, преданъ былъ, по его велѣнію, истязаніямъ пытки за то, «что вынималъ княжій слѣдъ». СПб. Изд. 1840 г.

*

Украинцовъ (Ukrainzow) человѣкъ замѣчательнаго ума, хитрый и изворотливый [70].

Дьякъ *Посниковъ* (Posnikow) человѣкъ весьма гордый.

Нарышкинъ владѣетъ 10,000 крѣпостныхъ душъ [71].

Высшее управленіе казанскимъ и астраханскимъ царствами по изгнаніи Василія Голицына, ввѣрено брату его, *князю Борису Алексѣевичу Голицыну* (Boriseus Alexioviez Foliziu) [72] который не принималъ ни малѣйшаго участія въ замыслахъ своего брата. Нарышкинъ и Борисъ Голицынъ — враги непримиримые. Они питаютъ другъ къ другу ненависть, которую не боятся иногда выказывать даже явно. Каждый изъ нихъ домогается должности другаго, какъ прибавки своей, и до сихъ поръ царь не положилъ конца всѣмъ этимъ распрямъ, иногда весьма мелочнымъ. Любимымъ изрѣченіемъ Бориса Голицына то, что онъ «чтитъ русскую вѣру, уважаетъ мудрость нѣмцевъ и вѣрность турокъ». Онъ до того ревнуетъ къ распространенію православія, что народъ далъ ему имя Іоанна Крестителя. Борисъ Голицынъ побудилъ уже многихъ иностранцевъ принять свое исповѣданіе. Гордый, честолюбивый вельможа ведетъ родъ свой отъ древнѣйшей владѣтельной польской фамиліи [73].

Желая построить дворецъ соотвѣтственно знатности своего рода, Голицынъ пригласилъ для этого итальянскихъ архитекторовъ. Ихъ же стараніемъ онъ воздвигъ два великолѣпныхъ храма въ своихъ имѣніяхъ: Добровичѣ (Dobrovixa) и Везомбѣ (Vemba) въ чаяніи оставить своимъ потомкамъ свидѣтельство сво-

[70] Емельянъ Игнатьевичъ Украинцовъ, ревностный приверженецъ Софіи, оставилъ ее не прежде начала сентября 1689 г. т. е, въ то время, когда любовникъ правительницы, Вас. Вас. Голицынъ, отправился въ Троицкую Лавру молить юнаго вѣнценосца о прощеніи. 12-го числа, того же мѣсяца, думный дьякъ Украинцовъ назначенъ былъ въ помощники Л. К. Нарышкину. Украинцовъ былъ опытный дѣлецъ въ дѣлахъ дипломатическихъ.

[71] Въ числѣ подмосковныхъ деревень Л. К. Нарышкина было знаменитое село Фили, игравшее столь важную роль въ исторіи Москвы 1812 года.

[72] Кравчій князь Борисъ Алексѣевичъ, избранный правительницей въ начальники приказа казанскаго дворца, продолжалъ имъ вѣдать и по удаленіи Софіи.

[73] Родъ Голицыныхъ имѣетъ своимъ родоначальникомъ знаменитаго князя литовскаго Гедимина.

ей ревности къ православію. Свѣдущій въ латинскомъ языкѣ, онъ къ сыновьямъ приставилъ польскихъ ученыхъ для обученія ему, ибо зналъ сколько выгодъ принесетъ имъ латинскій языкъ въ сношеніяхъ съ иностранцами.

Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ (Ficihon Nikitoviez Stresnov) имѣлъ надзоръ за царемъ во время его малолѣтства. Нынѣ начальникъ Разряднаго приказа. Отъ него зависятъ всѣ повелѣнія, опредѣленія, уставы и указы, касающіеся какъ внутренняго, такъ и внѣшняго управленія Московіи. Онъ имѣетъ должность судьи надъ всѣми дворянами, его обязанность сходна съ должностію великаго констабля. Стрѣшневъ служитъ образцемъ вѣрности къ престолу, такъ что часто, во время публичныхъ пиршествъ, подъ тостомъ за его здоровье, разумѣютъ всѣхъ вѣрныхъ царю; и самое имя Тихона Никитича напоминаетъ вельможъ, безусловно преданныхъ государю [74].

Князь Михаилъ Алегуковичъ Черкасскій (Michael Zegugoviez Fxerkaski), мужъ старый и опытный, заслуживаетъ полное уваженіе къ своимъ сѣдинамъ и вызываетъ общую любовь своею безукоризненною жизнію.

Царь, отправляясь, во время нашей бытности здѣсь, въ Азовъ, ввѣрилъ Черкасскому полную и самостоятельную власть надъ Москвою [75].

[74] Объ этомъ же любопытномъ фактѣ см. Устр. т. II, с. 10, пр. 176.

[75] Не могла Софія поколебать въ преданности къ брату только двухъ мужей незабвенныхъ и готовыхъ самою жизнію пожертвовать за царя и смѣло, открыто противодѣйствовавшихъ ея властолюбію; то были: родной братъ царицы Натальи Кириловны молодой бояринъ Левъ Кириловичъ Нарышкинъ и двоюродный братъ временщика, столь же молодой и отважный, кравчій князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ. Они громко порицали беззаконное господство Софіи, не бывали на торжественныхъ выходахъ въ ея палатахъ, гдѣ въ большіе праздники собирались бояре и царедворцы для цѣлованія ея руки и не спускали глазъ съ царственнаго отрока, догадываясь, что злодѣи точатъ на него ножъ. Славною опорою въ ихъ протестѣ служитъ имъ доблестный бояринъ, неустрашимый въ бояхъ, уже убѣленный сѣдинами, любимецъ царя Алексѣя Михаиловича, другъ Матвѣева, заслонявшій его отъ стрѣльцовъ своею грудью, князь Михаилъ Алегуковичъ Черкасскій. Мужъ чести и правды, онъ такъ жестоко осуждалъ всѣ дѣйствія любимцевъ Софіи, что самовластный временщикъ не зналъ, какъ сладить съ нимъ и, чтобъ унять его отъ рѣзкихъ упрековъ, неоднократно прибѣгалъ къ за-

Князь Θеодоръ Юрьевичъ Ромодановскій (Kendor Lurovoicz Romodanovoski) бояринъ и главный начальникъ надъ четырьмя гвардейскими полками, имѣетъ должность высшаго судьи въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ. Когда царь находился за границей, Ромодановскій сдѣланъ былъ намѣстникомъ и правителемъ государства. Древность рода и извѣстность фамиліи дѣлаютъ этого мужа еще болѣе сановитымъ.

Князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій (Petrus Ivanovicz Prosorovski), приказа большой казны и большаго прихода бояринъ, славный родомъ, извѣстенъ своею непорочною, строгою жизнію. Замѣчателенъ его предразсудокъ: онъ самъ никогда не отворяетъ дверей, чтобъ не осквернить боярской руки прикосновеніемъ къ тому, чего можетъ быть коснулся и осквернилъ кто нибудь изъ *нечестивыхъ*. Всѣхъ иновѣрцевъ онъ считалъ еретиками [76].

Кромѣ этихъ вельможъ замѣчательны: Алексѣй Симоновичъ *Шеинъ* (Alexisu Simonovicz Schachin) бояринъ и главнокомандующій надъ войсками его царскаго величества. Θедоръ Алексѣевичъ *Головинъ* (Feudor Alexiovicz Golovin), бояринъ, адмиралъ царскаго флота и намѣстникъ Сибири, сперва былъ посломъ въ Китаѣ, а потомъ вмѣстѣ съ Лефортомъ въ разныхъ Европейскихъ государствахъ. Царь, давъ ему, 20-го марта, крестъ, сдѣлалъ первымъ кавалеромъ вновь учрежденнаго ордена Св. Андрея Первозваннаго.—Артамонъ Михайловичъ *Го-*

ступленію старшихъ царевенъ. (См. письмо Голицына къ Шакловитому прил. къ I т., № VII, 454—458. Устр. II, 34—35).

Любопытно, что, по пріѣздѣ изъ за границы, 26 августа 1698 года, Петръ собственноручно обрѣзавъ бороды главнѣйшимъ изъ приближенныхъ къ нему бояръ, пощадилъ только сѣдыя бороды Т. Н. Стрѣшнева и М. А. Черкасскаго. Это было со стороны царя знакомъ особеннаго къ нимъ уваженія.

[76] Дядька царя Ивана Алексѣевича, Прозоровскій былъ уважаемъ приверженцами всѣхъ партій. Въ борьбѣ съ братомъ, Петромъ, когда счастіе стало быстро оставлять Софію, правительница послала Прозоровскаго въ Лавру для переговоровъ о мирѣ; 7-го августа князь Петръ Ивановичъ былъ въ Лаврѣ, но не успѣлъ въ своемъ порученіи. 25-го августа онъ окончательно перешелъ на сторону Петра. Объ уваженіи царя къ ближнему боярину его Прозоровскому можно судить изъ того, что въ письмѣ къ Ивану, 8-го сентября царь прямо называетъ Прозоровскаго вѣрнѣйшимъ своимъ сподвижникомъ.

ловинъ (Artemon Michalovicz Folovin) командиръ Преображенскаго полка.

Борисъ Петровичъ *Шереметевъ* (Borisius Petrovicz Sceremetov) бояринъ и начальникъ надъ Бѣлгородскимъ войскомъ (Bialogrodensis) [77]. Онъ въ 1695 году, вмѣстѣ съ Иваномъ Мазепою, гетманомъ казаковъ, осадилъ островъ Таванъ (Tavan) и Кизикирменъ (Kisikirminium), татарскій городъ, взявъ который, завладѣлъ богатою добычею, хотя (какъ утверждаютъ нѣкоторые) присягнулъ, крестясь и цѣлуя, по русскому обычаю, образъ, что дастъ свободу всѣмъ и позволитъ взять изъ имущества столько, сколько они въ состояніи унести на себѣ. Бывъ въ первый разъ посломъ при австрійскомъ дворѣ, онъ отправленъ нынѣ въ Италію и къ мальтійскимъ кавалерамъ, Шереметевъ своими доблестями заслужилъ орденъ малтійскаго креста [78]. Дальновидный въ совѣтахъ, храбрый въ бояхъ, Шереметевъ гроза татаръ и первое украшеніе Россіи.

Ѳеодоръ Матвѣевичъ *Апраксинъ* (Jendor Maduaeovidz Apraxen) бояринъ и губернаторъ архангельскаго порта [79].

Иванъ Ивановичъ *Бутурлинъ* (Ivan Ivvuovicz Butturlin), генералъ.

[77] Поставленный Софіею въ званіи воеводы *бѣлгородскаго разряда* или главнаго предводителя войскъ, расположенныхъ на бѣлгородской чертѣ для защиты Украйна отъ крымскихъ татаръ, Шереметевъ былъ утвержденъ въ этомъ же званіи царемъ Петромъ.

[78] Записки путешествія графа Б. П. Шереметева подъ пышнымъ заглавіемъ изданы Миллеромъ въ 1773 г. въ Москвѣ, съ приложеніемъ весьма *курьезныхъ* рисунковъ, безъ сомнѣнія современныхъ, изображающихъ генералъ-фельдмаршала на аудіенціи у папы Инокентія, императора Леопольдуса, короля Августа III, у мальтійскихъ рыцарей... Самый крестъ мальтійскій изображенъ на одномъ изъ приложенныхъ рисунковъ. Книга эта нынѣ довольно рѣдка.

[79] Ѳ. М. Апраксинъ, ближній стольникъ, назначенъ Двинскимъ воеводою 22 августа 1693 года. Вмѣстѣ съ Ѳ. Ѳ. Плещеевымъ, А. М. Головинымъ, И. И. Бутурлинымъ, А. А. Матвѣевымъ — Апраксинъ былъ въ числѣ русскихъ, которыхъ Петръ удостоивалъ именами товарищей, повѣрялъ имъ свои мысли и надежды и дѣлилъ съ ними труды и потѣхи. Это были, большею частію люди молодые, бойкіе, расторопные, взросшіе съ отроческихъ лѣтъ подлѣ преобразователя Россіи.

Генералъ князь *Долгорукой* (Dolgorngoy), нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ состоялъ посломъ при королѣ Франціи [80].

Князья: Иванъ Ивановичъ Черкасскій (Ivan Ivanovicz Czerkaski) и Андрей Михайловичъ Черкасскій (Andreas Michalovicz Mzerkaski); Өедоръ Өедоровичъ Плещеевъ [81], царевичъ *Мелитинскій* (Feudor Fedrovicz Plesecov, Tzarevicz Melitinski) ([82]). Двое *Лопухиныхъ* (Zubochin) братья царицы, изъ которыхъ одинъ исправляетъ должность капитана, а другой служитъ унтеръ-офицеромъ. *Троекуровъ* (Trojarurov) начальникъ стрѣлецкаго приказа [83]; Борисъ Борисовичъ *Голицынъ*; Матвѣй *Брадовичъ* (Bsadoviz) [84].

Изъ этихъ бояръ немногіе участвуютъ въ совѣтахъ, большая же часть извѣстна только по знатности своего рода. Я перечислилъ ихъ потому, что многіе управляютъ различными областями внѣ царскаго двора [85].

Послѣ бояръ, выше другихъ, совѣтники, называемые думны-

[80] Князь Я. Ө. Долгоруковъ вѣдалъ московскимъ суднымъ приказомъ. В. Л. Долгоруковъ сопутствовалъ во Францію въ 1687-мъ г.

[81] Плещеевъ, первый стольникъ царя Петра, пострадалъ за приверженность свою къ нему отъ стрѣльцовъ. Его избили въ ночь на 7-е августа 1689 г. Плещеевъ считался въ числѣ товарищей царскихъ. См. выше пр. 79.

[82] Генералъ-фельдцейхмейстеръ царевичъ Александръ Арчиловичъ Имеретинскій, учившійся артиллерійскому искуству въ Гагѣ, завѣдывалъ въ 1699 г. нашею многочисленною и хорошо устроенною артиллеріею.

[83] Иванъ Борисовичъ Троекуровъ сдѣланъ начальникомъ стрѣлецкаго приказа въ сентябрѣ 1689 года.

[84] Лице совершенно неизвѣстное.

[85] Всѣ они были дороги Петру, если не всѣ по ихъ способностямъ, то большая часть по своей къ нему преданности и ненависти къ сторонникамъ Софіи. При составленіи заговора Шакловитымъ многіе изъ нихъ были обречены смерти за свою преданность къ Петру; въ томъ числѣ были братья царицы Марфы, жены покойнаго царя Өедора, Петръ и Өедоръ Апраксины, Лопухины; князья: Яковъ, Лука, Григорій и Владиміръ Өеодоровичи Долгорукіе; бояре: Б. П. Шереметевъ, Т. Н. Стрѣшневъ, Ромодановскій и др. Всѣ они доброжелательствовали Петру впрочемъ, по словамъ Устрялова, тайно, робко и незаслужили у враговъ Петра той ненависти, которою обезсмертили себя Л. Нарышкинъ, Б. Голицынъ и М. Черкасскій. Слѣпые исполнители воли Петра они были палачами несчастныхъ стрѣльцовъ. Въ 14 застѣнкахъ, подъ ихъ надзоромъ, производились безчеловѣчныя, кровавыя истязанія стрѣльцовъ съ сентября по декабрь 1698 г.

ми дьяками, что соотвѣтствуетъ нашимъ тайнымъ совѣтникамъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны: Прокопій Богдановичъ Возницынъ (Procopius Bagdanovicz Wosuizin), Емельянъ Игнатьевичъ Украинцовъ (Aemelianus Ignatovicz Vkrainzov), Андрей Андреевичъ Виніусъ (Andreas Andreovicz Wignius) и Артемоновичъ (Artemonoviwez) [86].

Прокопій Богдановичъ *Возницынъ* былъ посломъ при разныхъ дворахъ, въ 1697—98 годахъ. Былъ посылаемъ къ турецкому султану, персидскому шаху, королю польскому и славной венеціанской республикѣ. Вмѣстѣ съ генераломъ Лефортомъ и бояриномъ Головинымъ онъ участвовалъ въ блестящемъ посольствѣ къ курфирсту Бранденбургскому, могущественнымъ штатамъ Голландіи и двору августѣйшаго римскаго императора. Потомъ былъ уполномоченнымъ при составленіи Карповицкаго мира съ Турками [87]. Еслибъ онъ не допустилъ ошибки, заключивъ двухъ-лѣтнее перемиріе, то прекрасно устроилъ бы дѣла своего государя. Впрочемъ не только былъ прощенъ за этотъ промахъ, но и удержалъ за собой почетную должностъ главнаго надзирателя надъ царскою аптекою, обязанность, которая ввѣряется только тому, кто заявилъ свою вѣрность особенными заслугами. За тѣмъ вновь получивъ званіе посла, отправился въ Швецію [88].

Емельянъ Игнатьевичъ *Украинцевъ* думный дьякъ посольскаго приказа, тайный совѣтникъ, намѣстникъ Каргопольскій (Cargopoliensis) и чрезвычайный посолъ къ оттоманской портѣ. Свѣдущій въ дѣлахъ политическихъ, онъ еще прежде былъ посломъ въ штатахъ голландскихъ и вездѣ явилъ себя человѣкомъ изворотливымъ, дипломатомъ искуснымъ. Извѣстность, пріобрѣтенная имъ, вызвала зависть со стороны его многочисленныхъ недоброжелателей. Очень часто принужденъ онъ былъ оправдываться предъ государемъ противъ обвиненій, взводимыхъ на него, его недругами. Нерѣдко самая жизнь его находилась въ опасности и только умъ, опытность, личныя достоинства и близость къ государю его сторонниковъ спасали Украинцова отъ рѣшитель-

[86] Этимъ страннымъ именемъ Корбъ называетъ Андрея Матвѣева, сына злополучнаго и славнаго боярина Артамона Матвѣева.

[87] См. Устр. III, 252.

Возницынъ былъ опытный дѣлецъ въ дѣлахъ дипломатическихъ; разсказъ Корба о какой-то ошибкѣ есть вымыселъ. По крайней мѣрѣ въ подробномъ описаніи всего хода Карловицкихъ переговоровъ историкъ Петра ни слова не говоритъ о мнимомъ промахѣ Возницына.

наго паденія. [89] Отличаясь глубокимъ знаніемъ дѣлъ политическихъ онъ ловко исправилъ ошибку Возницына.

Кстати, Украинцовъ положительно опровергаетъ извѣстія европейскихъ газетъ, которыя нещадно лгали, разсказывая о пріѣздѣ его въ Константинополь, о сильной канонадѣ съ его корабля, о его плѣнѣ и гнѣвѣ султана.[90]

Зная хорошо всѣ эти обстоятельства, Украинцовъ писалъ къ нашему послу Гваріенти о своемъ плаваніи въ Константинополь, о счастливомъ входѣ въ босфорскій проливъ, о почетномъ, ласковомъ пріемѣ, которымъ удостоилъ его владыка оттоманской порты.

Андрей Андреевичъ *Винiусъ*, тайный совѣтникъ его царскаго величества, правитель царства Сибирскаго [91], родомъ нѣмецъ, идя по стопамъ отца, онъ принялъ православную вѣру. Былъ посломъ при разныхъ иностранныхъ дворахъ, и въ Московіи исправлялъ различныя должности.

[89] Нѣтъ сомнѣнія, что Корбъ намѣкаетъ здѣсь на гнѣвъ царя на Украинцова по поводу дѣла о позднемъ прибытіи иноземцевъ къ Азову. См. выше. Емельянъ Игнатьевичъ прощенъ былъ ради заступничества своего свояка Виніуса, котораго царь весьма любилъ и уважалъ.

[90] Украинцовъ былъ назначенъ посломъ въ Константинополь 6 апрѣля 1699 г. Вотъ въ чемъ состоялъ случай, о которомъ глухо говоритъ здѣсь Корбъ. 7 сентября 1699 г. русскій корабль, на которомъ прибылъ въ Царьградъ нашъ посолъ, съ пушечною пальбою остановился въ заливѣ и бросилъ якорь въ виду сераля, къ изумленію султана, министровъ и народа. Неожиданный приходъ московскаго корабля возбудилъ всеобщія опасенія въ Константинополѣ. Носилась молва, что адмиралъ русскаго флота съ 10 кораблями стоитъ у Синопа. Безразсудство командира пришедшаго корабли, капитана Памбурга, дало новую пищу всеобщимъ опасеніямъ: 26 сентября онъ зазвалъ къ себѣ на корабль знакомыхъ французовъ и голландцевъ, пилъ съ ними цѣлый день, отъ утра до глубокой ночи. и въ самую полночь открылъ стрѣльбу изъ всѣхъ орудій, къ великому ужасу султана, женъ его, министровъ, народа; всѣ вообразили, что Памбургъ давалъ сигналъ русскому флоту идти въ проливъ къ Царю-граду. Султанъ до того былъ перепуганъ, что выбѣжалъ ночью изъ покоевъ, а султанскія жены въ верхнемъ сералѣ со страху разрѣшились отъ бремени преждевременно. Султанъ требовалъ жестоко наказать Памбурга, въ противномъ случаѣ грозилъ ввергнуть его въ темницу. Украинцовъ отвѣчалъ, что стрѣльбу строго запретитъ, но капитана наказывать не для чего. Тѣмъ дѣло и кончилось. Устр. III, 290—293, пр. 43, прим. VII, 55. Не мудрено, что этотъ случай возбудилъ много нелѣпыхъ слуховъ въ Европѣ, о которыхъ упоминаетъ Корбъ.

[91] Виніусъ управлялъ Сибирскимъ приказомъ. Съ 1689 г. онъ же вѣдалъ и ямскимъ.

Не спрашивай какого ума! Во всемъ показалъ свой гибкій умъ, свое искуство въ дѣлахъ и оправдалъ свое происхожденіе (!). Какъ бояринъ сибирскаго приказа, онъ не только не получаетъ никакого жалованья, но еще платитъ царю 1000 рублей въ годъ, съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобы всѣ воеводы сибирскіе зависѣли бы отъ него. Каждаго изъ нихъ онъ выбираетъ по своему капризу, нерѣдко въ видахъ личнаго интереса. Виніусъ человѣкъ весьма предпріимчивый и образованный. Внушаетъ воеводамъ страхъ и удерживаетъ ихъ отъ грабежей [92]. Такимъ образомъ онъ тайно развѣдываетъ отъ купцовъ, проѣзжающихъ чрезъ Сибирь на пути изъ Китая въ Москву, какую пошлину взялъ съ нихъ какой нибудь воевода. Если узнаетъ, что взятка была неумѣренна, или что купцы были исподтишка ограблены, то грозитъ воеводамъ суровыми наказаніями, пугаетъ кнутомъ, розыскомъ. Увѣряетъ, что имѣетъ множество шпіоновъ, которые слѣдятъ за ними, умалчиваетъ при этомъ о купцахъ, боясь чтобъ они не подверглись мести воеводъ на возвратномъ пути чрезъ Сибирь. Не болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, Виніусъ поставилъ новаго воеводу въ Сибири. Предшественникъ избраннаго правителя собиралъ для царя только по 600 руб. въ годъ, но новый воевода, побуждаемый угрозами наказаній и безпрестанными напоминаніями о большей вѣрности, донесъ Виніусу, что онъ собралъ для царя 10,000 руб. доходу за одинъ годъ. Такъ важно для государства, чтобъ общественныя должности занимали вѣрные люди. Самъ намѣстникъ Сибири, богатѣйшій изъ московскихъ вельможъ и старшій изъ рода Черкасскихъ, по донесенію думнаго Вигнія, былъ обвиненъ въ противузаконныхъ поступкахъ. Царь поручилъ ему эту высшую должность въ надеждѣ, что человѣкъ, столь богатый, не захочетъ пользоваться чужимъ добромъ и изъ желанія славы будетъ вѣрно исполнять возложенныя на него обязанности. Но чѣмъ больше пьешь вина, тѣмъ сильнѣе мучитъ жажда. Не было никого, кто бы грабилъ такъ сильно и вмѣстѣ съ тѣмъ съ такимъ искуствомъ, какъ князь Черкасскій, такъ что нельзя было обличить его въ явномъ грабежѣ. Самъ онъ не трогалъ купцовъ, а подсылалъ для этого

[92] Извѣстіе о успѣшномъ управленіи Сибирью подтверждается свидѣтельствомъ самого Петра. Вотъ что онъ писалъ къ Виніусу изъ Детфорта, отъ 1 марта 1698 года, «Min Her Vinius! Письмо твое, писанное генваря двадцать перваго, мнѣ отдано февраля двадцать четвертаго, въ которомъ пишешь о сибирскомъ поведеніи, что отъ воеводъ чинится лучше, нежели прежде, и то слава Богу! и т. д.»

своихъ слугъ, которые, подобно гарпiямъ (Harpyae), нападали на обозы купцовъ и отнимали, къ большему ущербу послѣднихъ, все замѣчательное по цѣнности, рѣдкости, изящности и красотѣ; и всѣ жалобы купцовъ оставались безъ вниманiя. Воевода притворялся невиннымъ въ этихъ поступкахъ, въ самомъ же дѣлѣ былъ главнымъ виновникомъ ихъ. И такъ, обвиненнаго въ невѣрности, царь вызвалъ въ Москву, и такъ какъ онъ не могъ уже оправдаться въ такомъ явномъ преступленiи, то для примѣрнаго наказанiя былъ осужденъ на висѣлицу. Виновный уже взошелъ на нее, (устроена она была въ крѣпости подлѣ розыскнаго приказа) палачъ набросилъ ему петлю на шею; но милостиво освобожденный отъ смертной казни, долженъ былъ публично вынести болѣе ста ударовъ кнутомъ чрезъ палача и остальное время жизни провелъ въ ссылкѣ (inter Tzareastriremes). Печальное нравоученiе, съ какою вѣрностiю должно исправлять дѣла государя!

Артемоновичъ [94], думный дьякъ, назначенъ на три года посломъ къ могущественнымъ штатамъ Голландiи, куда отправился съ женою и дѣтьми. Съ нимъ поѣхали, по повелѣнiю царя, восемь боярскихъ дѣтей для обученiя кораблестроенiя и для ознакомленiя съ искуствомъ мореплаванiю. Матвѣевъ знаетъ латинскiй языкъ и любитъ часто говорить на немъ.

Благоразумными дѣянiями снискалъ онъ расположенiе государя. Любовь и довѣренность царскую онъ безспорно заслужилъ, какъ по своему образованiю, такъ и по своему характеру, кроткому и добросердечному: характеръ едва ли не единственный между суровыми москвитянами.

На пути въ Голландiю [95], Артемоновичъ долженъ былъ проѣзжать Ригу. При въѣздѣ въ городъ, Матвѣева встрѣтили съ особенными почестями и сильною пальбою изъ орудiй. Эта почетная встрѣча, столь обыкновенная при европейскихъ дворахъ, русскому послу показалась *зѣло курьезною*. «Къ чему такой ревъ, когда у меня подводитъ тощiй мой животъ отъ голода?» говорилъ онъ, полагая, что угощенiе виномъ, водкой и сытными яствами дѣлаетъ болѣе чести, нежели пальба и звуки литавръ.

Дьяками, или какъ называютъ сами себя, совѣтниками, вѣр-

[94] Андрей Артемоновичъ Матвѣевъ.

[95] Матвѣевъ опредѣленъ чрезвычайнымъ полномочнымъ посломъ въ Голландiю въ 1699 году.

нѣе же секретарями посольскаго приказа, были двое: Василій Возницынъ и Борисъ Михайловичъ(?)

Какъ тотъ, такъ и другой неоднократно участвовали въ посольствахъ къ иностраннымъ дворамъ.

Образцомъ того, какія правила и наставленія московское правительство обыкновенно даетъ своимъ вельможамъ, отправляемымъ за границу, можетъ служить приложенная здѣсь инструкція маршалу великаго московскаго посольства.

1698 года, по повелѣнію царя и великаго государя Петра Алексѣевича, всея великія, малыя и бѣлыя Россіи самодержца, Готфриду Приставу (ad Godefridum Bristoff). [96]

— Ты писалъ великимъ посламъ изъ города Неомагенскаго (Civitas Neomagensis), что вы должны были платить пошлины въ разныхъ мѣстахъ Голландіи и изъ Neonsagio въ Клевё отправились водою. Что подводы, наемныя лошади и содержаніе собственныхъ лошадей стоятъ большихъ издержекъ, въ слѣдствіе чего вы нуждаетесь въ новомъ приказѣ о выдачѣ вамъ денегъ, которыхъ едва ли достанетъ вамъ на весь путь.

Въ отвѣтъ на это, прежде всего извѣщаю тебя, что ты долженъ елико возможно спѣшить, нигдѣ безъ особой нужды не медля, не останавливаясь въ городахъ, къ императорскимъ границамъ. Если же, какъ ты пишешь, не достанетъ тебѣ денегъ, то прикажи писцу выдать тебѣ 500 дукатовъ изъ хранилища посольской соболей казны. Если же тебѣ крайне нужно будетъ больше денегъ, то прикажи выдать тысячу дукатовъ, въ расходѣ которыхъ, а равно и выданныхъ тебѣ при отправленіи, ты долженъ представить вѣрный и точный отчетъ. Если же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ содержаніе стоитъ дешевле, то уменьшай жалованье своимъ подчиненнымъ и давай, по своему усмотрѣнію, столько, чтобъ никто не терпѣлъ недостатка. Старайся удерживать всѣхъ отъ пьянства и пьяницамъ выдавай меньше.

Когда же иностранные государи положатъ свитѣ твоей содержаніе отъ себя, то ты совершенно уничтожь жалованье. Въ какой бы городъ ты ни прибылъ, и куда бы ни вздумалъ ѣхать

[96] Дворянинъ при посольствѣ Богданъ Приставъ. Въ Семеновскомъ полку, подъ началомъ полководника Ивана Ивановича Чамберса, состоялъ въ 1698 году маіоромъ Богданъ Приставъ. Въ спискѣ: «всѣхъ чиновъ людемъ, которые въ посольствѣ, въ іюнѣ 1697 г., съ первымъ посломъ Ф. Я. Лефортомъ посланы, во дворянехъ состоялъ Богданъ Приставъ.

изъ него, всегда извѣщай объ этомъ великихъ уполномоченныхъ пословъ, которые остановятся въ Амстердамѣ (Amstelodami), или гдѣ бы то ни было.

Думный дьякъ
Прокопій Возницынъ.

1698 года 25 марта, по повелѣнію царя и великаго государя Петра Алексѣевича, всея великія, малыя и бѣлыя Россіи самодержца и по распоряженію великихъ и уполномоченныхъ пословъ: генерала и адмирала, новгородскаго намѣстника (gubernatoris Nowgorodiensis) Франца Яковлевича Лефорта, генерала, военныхъ дѣлъ Commisarii и правителя Сибири Θеодора Алексѣевича Головина и Cancellarii правителя Болховскаго Прокопія Бгодановича Возницына, предписывается придворному (Aulico) Готефриду Бристову отправиться изъ Амстердама чрезъ Голландію въ Неомагъ, изъ Неомага въ Кливію, Везель (Wesel), Липштдадтъ (Lippstadt), Мюнденъ (Münden), Гилдесгеймъ (Hildesheim), Ашерлебенъ (Ascherleben) и Голль (Holl), чрезъ города курфиршества Саксонскаго въ Лейпцигъ (Lipsiam), а оттуда чрезъ Богемію въ Прагу или гдѣ ближе и удобнѣе, если найдешь проводниковъ, до императорскихъ предѣловъ.

Съ нимъ отправлены придворные и слуги великаго посольства ; и также деньги великаго государя, сокровища соболей казны, одежды пословъ, посуда и разная домашняя утварь, чтобъ имѣть все необходимое на пути. Эта инструкція (litterae) выдана ему за подписью великихъ пословъ съ приложеніемъ печати. Предъ отправленіемъ же его великіе послы просили письменно августѣйшаго императора, его величества короля Польши, курфирста Саксоніи и свѣтлѣйшаго курфирста Бранденбургскаго принять ласково отправленныхъ впередъ слугъ ихъ, снабдить ихъ подводами (Polwodae), содержаніемъ и другими пособіями, необходимыми для продолженія пути. Прабывъ въ Кливію, самъ Бриставъ долженъ потребовать комиссаровъ, содержаніе и проводниковъ и, будучи обезпеченъ такимъ образомъ, продолжать путь въ Саксонію; также долженъ поступить онъ, отправляясь изъ Саксоніи въ императорскія земли, гдѣ уже долженъ ожидать прибытія великихъ уполномоченныхъ пословъ. Если же въ какихъ городахъ ему откажутъ въ подводахъ и содержаніи, то долженъ нанимать лошадей и всѣ издержки раздѣлять, въ слѣдствіе даннаго ему въ инструкціи предписанія,

между своею свитою. На расходы, необходимые для найма подводъ, содержанія и другихъ издержекъ, мы, въ предотвращеніе великихъ для него затрудненій, выдали писцу посольской канцеляріи Никифору Иванову и его товарищу четыре тысячи имперіаловъ, которые должны сохраняться до крайней нужды. Что издержитъ и на что именно, долженъ внести въ расходную книгу, которую съ остаткомъ денегъ долженъ показать великимъ и уполномоченнымъ посламъ; лишнихъ же расходовъ, какъ для себя, такъ и для другихъ, долженъ стараться избѣгать. Если кто будетъ спрашивать, по какой причинѣ великіе и уполномоченные послы медлятъ въ Амстердамѣ, пусть отвѣчаетъ, что ихъ удерживаютъ тамъ важныя дѣла его царскаго величества и что они будутъ въ скоромъ времени; если же кто пожелаетъ узнать, какого рода эти дѣла, удерживающія пословъ въ Амстердамѣ, то пусть скажетъ, что онъ солдатъ и этого знать не можетъ. Слугамъ пословъ внушить, чтобъ вели себя тихо, не отлучались бы безъ позволенія, не пьянствовали бы, не ссорились бы и не выказывали бъ себя, какимъ бы то ни было образомъ, мало образованными. Особенно же наблюдать за тѣмъ, кто, вопреки этому повелѣнію, будетъ шататься или пьянствовать, и наказывать его по своему усмотрѣнію. — Незначительныхъ же лицъ подвергать наказанію батогами и палками. Писецъ Никифоръ Ивановъ и Ѳедоръ Булаевъ не должны ни нашагъ отходить отъ денегъ и хранилища соболей, казны, а въ помощь къ нимъ, для караула, назначить трехъ гайдуковъ (Hoydauibus), которые смѣняли бъ другъ друга чрезъ двадцать четыре часа. Самъ же Бриставъ пусть заботится, вмѣстѣ съ писцами, чтобъ они постоянно находились при казнѣ и караулили ее неусыпно. Наконецъ на Бристава возлагается обязанность, изъ всѣхъ городовъ извѣщать великихъ и уполномоченныхъ пословъ о своемъ пути, чтобъ они знали, гдѣ онъ останавливался и чрезъ какія города проѣзжалъ.»

О послахъ и резидентахъ иноземныхъ, бывшихъ въ мое время въ Московіи.

(Стр. 229—234).

Славнѣйшій и достопочтеннѣйшій братъ патеръ Петръ Павелъ Пальма д'Аруаа, архіепископъ анциранскій и викарій апостольскій во владѣніяхъ великаго могола, Голкоидѣ (Goqouda)

Идалканѣ (Idalkan), еще въ Голландіи сообщилъ его царскому величеству свое намѣреніе ѣхать чрезъ Московію. Архіепископъ покорно просилъ царя повелѣть князю Борису Алексѣевичу Голицыну, намѣстнику царствъ казанскаго и астраханскаго, не только принять его въ Москвѣ съ должною почестью, но и провести до границъ Персіи, снабдивъ всѣмъ необходимымъ на время проѣзда чрезъ земли московскаго государства. 6 іюля 1698 года архіепископъ прибылъ въ Москву съ двумя пресвитерами, капитаномъ Молиносъ (Molinos), медикомъ Horolaqiario и нѣкоторыми другими лицами. Сначала для него назначили квартиру въ слободѣ (Slowoda); на третій же день князь Голицынъ, желая, по повелѣнію царя, угодить архіепископу, прислалъ за нимъ своихъ лошадей и экипажи, и отвелъ часть палатъ на все время пребыванія его въ Москвѣ.

10 іюля викарій присутствовалъ при совершеніи литургіи, а 16 пріобщилъ пятьдесятъ католиковъ. Между тѣмъ князь Голицынъ приготовилъ судно, нагрузилъ разными съѣстными припасами, и архіепископъ, сопровождаемый царскими приставами (credantiales), отправился по Окѣ, Волгѣ и Каспійскому морю.— Кортемъ благополучно прибылъ въ Персію.

Знаменитый Іоаннъ Станиславъ Богхій (Ioannes Stanislaus Bodhi) судья Трокскій, придворный короля польскаго и его чрезвычайный посолъ ко двору царскаго величества.

Когда партія Сапѣги (Sapiehanae) произвела возмущеніе во всей Литвѣ, Босхій былъ посланъ, въ качествѣ посла, къ самодержцу Россіи съ извѣстіемъ о избраніи новаго короля и послѣдовавшей за тѣмъ коронаціи. Кромѣ того онъ имѣлъ приказаніе съ точностію узнать о числѣ и силахъ царскаго войска, стоявшаго близь границъ Литвы и, какъ можно скорѣе, донести объ этомъ. Еслибъ онъ отправился съ свитою и вообще какъ прилично послу, то не избѣжалъ бы засадъ, въ большомъ числѣ устроенныхъ Сапѣгою; вмѣстѣ съ свободою и имуществомъ Богхій рисковалъ потерять свою жизнь. — А потому онъ взялъ съ собою одного только слугу почти безъ всякаго багажа; счастливо обманувъ бдительность непріятеля, онъ достигъ наконецъ предѣловъ Московіи. Начальникомъ пограничныхъ стрѣльцовъ былъ князь Михайло Григорьевичъ Ромодановскій; Богхій разсказалъ, какъ ему, такъ и приставамъ цѣль своего пріѣзда, причемъ сослался на литовскіе безпорядки, не дозволившіе ему пріѣхать съ приличною свитою. Ромодановскій, изъ участія, далъ

послу, по его просьбѣ, достаточное количество прислуги, лошадей и экипажей для дальнѣйшаго пути. Прибывъ въ Москву и представясь главнымъ властямъ, Богхій поселился въ домѣ, назначенномъ для пословъ. Недовольный распоряженіями московскаго правительства, онъ весьма сожалѣлъ о своемъ напрасномъ пріѣздѣ, довѣрительныхъ грамотахъ, выданныхъ ему, и о томъ, что онъ такъ хитро обманутъ. 1 іюля 1698 года, на обѣдѣ у боярина Льва Кириловича, Богхій показалъ королевскія грамоты, въ которыхъ было сказано о причинахъ его неблестящаго посольства. Не знаю изъ-за какихъ пустяковъ польскій уполномоченный поссорился съ какимъ-то княземъ Долгорукимъ и, какъ говорятъ, вызвалъ его на дуель. А такъ какъ тотъ не принялъ вызова, то Богхій выстрѣлилъ къ нему въ окно изъ пистолета.

Это происшествіе возбудило такое негодованіе со стороны москвичей, что они едва не забросали посла камнями. Не остановившись на этомъ, русскіе хотѣли выпроводить его, давъ отвѣтъ на довѣрительныя грамоты, что было поводомъ къ новой ссорѣ. Ибо полякъ, не видѣвъ государя, къ которому и былъ посланъ, не хотѣлъ уѣхать. Обо всемъ этомъ донесли царю, бывшему тогда въ Голландіи. Царское величество, котораго мудрость и справедливость видны были во всемъ, отвѣтилъ о полякѣ, что такъ какъ онъ «присланъ ко мнѣ, а не къ вамъ, то долженъ остаться, пока я пріѣду. Вы же, между тѣмъ, снабжайте его приличнымъ содержаніемъ.» Одного переводчика посольскаго приказа царь приказалъ, 1 августа, за грубое и презрительное обращеніе съ посломъ, наказать розгами для предупрежденія на будущее время новой вспышки ненависти. Москвитяне, негодуя, что царь, не разузнавъ дѣла вполнѣ, наказываетъ своихъ подданныхъ за иностранцевъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе волновались противъ Богхія. Думные и другіе явно говорили, что онъ не посолъ, что грамоты, привезенныя имъ, сомнительны и въ нихъ нѣтъ ни одного извѣстнаго имени. На огонь еще подлили масла: письма одного москвитянина, жившаго въ Варшавѣ, въ которыхъ было сказано, что поляки не знаютъ о послѣ, отправленномъ къ царю. На это посолъ отвѣчалъ, что, безъ сомнѣнія, нѣкоторые изъ поляковъ, особенно его враги, или не знаютъ этого въ самомъ дѣлѣ, или притворяются незнающими; что онъ посланъ королемъ и государствомъ и нисколько небезпокоится о знаніи, незнаніи и злосло-

віи частныхъ лицъ. Москвитянамъ же достаточно извѣстно достоинство его званія, ибо хотя въ одной изъ довѣрительныхъ грамотъ не было напечатано его имя, за то можно было найти это въ другой. Что онъ привезъ много подобныхъ грамотъ, что эта клевета касается самого короля, и онъ вступается не за свои обиды, но за обиды, нанесенныя этимъ королю.

Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ онъ не привезъ даже никакихъ довѣрительныхъ грамотъ, то все-таки, по моему мнѣнію, москвитяне должны были обходиться съ нимъ, какъ съ посломъ и отдавать должныя почести, неусумнившись разъ принять его, какъ посла. Богхій не виноватъ, что его сначала считали посломъ, а потомъ нѣтъ. Тѣмъ не менѣе москвитяне, сдѣлавшись совершенно непріязненными ему, отказались доставлять ему обыкновенное содержаніе и, гдѣ только могли, старались всѣми силами сдѣлать ему непріятности, относя все къ его несносному характеру. Движимый справедливымъ негодованіемъ, онъ долженъ былъ сердиться. Датскій посолъ выказывалъ преимущество надъ польскимъ, говоря: мой король получаетъ престолъ по наслѣдству; польскій же достигаетъ его по выбору; москвитяне не одобряли этихъ ссоръ, какъ не соотвѣтствующихъ времени. Они были благосклонны къ полякамъ, и самъ царь показывалъ къ нимъ расположеніе; однако ненавидѣли этого человѣка и, 2 ноября, уволили его безъ всякой церемоніи.

6 декабря Богхій вознамѣрился ѣхать къ царю, бывшему тогда въ Воронежѣ (Weronischa); но правительство воспротивилось этому на томъ основаніи, что съ нимъ, уже уволеннымъ, не можетъ быть никакихъ переговоровъ безъ особыхъ довѣрительныхъ грамотъ.

Въ то же время, когда начальникъ пограничной стражи въ Карновичѣ, боясь новыхъ литовскихъ возмущеній, просилъ прислать на границу двадцать тысячъ царскаго войска, бояре объявили, что, по ихъ мнѣнію, лучше будетъ, если царь, не помогая оружіемъ, потребуетъ сначала отъ республики отчета въ оскорбительныхъ поступкахъ Богхія.

Въ случаѣ отказа республики въ удовлетвореніи, бояре предлагали царю погрозить избраніемъ новаго короля.

Между тѣмъ русскіе, недовольные долговременнымъ пребываніемъ Богхія въ Москвѣ, объявили ему, чтобъ онъ не позже трехъ недѣль выѣхалъ изъ Москвы, очистивъ свои комнаты для ожидаемаго ими чрезвычайнаго посла курфирста Бранденбург-

скаго. Когда бояре замѣтили, что онъ все-таки не спѣшитъ отъѣздомъ, то прислали 11 января пятнадцать подводъ на посольскій дворъ для того, чтобъ онъ поскорѣе отправился.

Знаменитый Павелъ Гейнсъ (Paulus Heins), чрезвычайный посолъ датскаго короля, прежде всего старался сохранить нѣсколько колебавшуюся дружбу между его царскимъ величествомъ и своимъ королемъ заключеніемъ прочнаго между ними союза. 9 октября 1698 года его царское величество, изъ особеннаго къ нему расположенія, крестилъ у него сына; 1 же ноября Гейнсъ, желая вызвать новые знаки расположенія, пришелъ рано утромъ къ датскому коммиссару Буденантъ (Baudenand), гдѣ его царское величество провелъ ночь. — Но ясное утро помрачалось дневными тучками, которыя собрало на чело царя какое-то слишкомъ смѣлое противорѣчіе Гейнса. По той же причинѣ онъ едва не возбудилъ бурю 15 января 1699 года. Получивъ отъ остановки дѣлъ возможность слѣдовать за царемъ въ Воронежъ, Гейнсъ отправился, 4 марта, вмѣстѣ съ бранденбургскимъ посломъ. На пути онъ избавилъ отъ неистовства деревенской толпы полуживаго царскаго курьера; разбойники мужики, устрашенные ихъ пріѣздомъ, разбежались. На воеводу же, не проворно снабдившаго его подводами, Датскій посолъ донесъ царю, прося, призвавъ его въ Воронежъ, наказать кнутомъ. 29 мая Гейнсъ возвратился въ Москву, потому что царь уѣхалъ на судахъ изъ Воронежа въ Азовъ.

Знаменитый Maqucardus de Prinz, чрезвычайный посолъ курфирста Бранденбургскаго, исправлявшій въ бытность царскаго величества съ послами въ земляхъ бранденбургскихъ, должностъ коммиссара, торжественно прибылъ въ Москву 24 января 1699 года поздравить царя съ счастливымъ возвращеніемъ изъ-за границы. 4 марта онъ отправился съ датскимъ посломъ въ Воронежъ, гдѣ царь подарилъ ему свой портретъ, осыпанный дорогими каменьями, и возвратясь оттуда 16, 26 того же мѣсяца собрался въ обратный путь изъ Московіи. Москвитяне провожали его съ почетною свитою за ворота города.— Намѣреваясь уѣхать, онъ передалъ свое достоинство, для приличнаго наблюденія за дѣлами, г. Тимофѣю de Zadoca Kiesielski.

Данія и Швеція имѣютъ въ Москвѣ также своихъ коммисаровъ, трудами которыхъ нерѣдко съ выгодою пользуются ихъ

послы. Фамилія шведскаго коммисара Книпперъ (Knipper); датскаго же Буденандъ (Boudenand).

Все, что я могъ замѣтить болѣе важнаго во время нашего посольства, я высказалъ въ этой книгѣ, какъ для удовлетворенія любопытства ученыхъ, такъ и для того, чтобы дать нѣкоторое понятіе о Московіи тѣмъ, которые вознамѣрятся когда нибудь посѣтить ее. Прошу читателей быть снисходительными къ моему труду, если какая нибудь слишкомъ смѣлая фраза бросится имъ въ глаза, помнить, что я пишу не исторію, но собственныя замѣтки. А также, если найдутся ошибки, которыя я упустилъ изъ виду, то ихъ легко исправить при небольшомъ критическомъ разборѣ.»

Этими словами оканчивается сочиненіе И. Г. Корба. Въ слѣдующей статьѣ мы представимъ другой отрывокъ: подробный и обстоятельный разсказъ Корба о стрѣлецкомъ возстаніи и кровавыхъ казняхъ болѣе двухъ тысячъ человѣкъ.

Н. Т—о и Мих. Се..вскій.